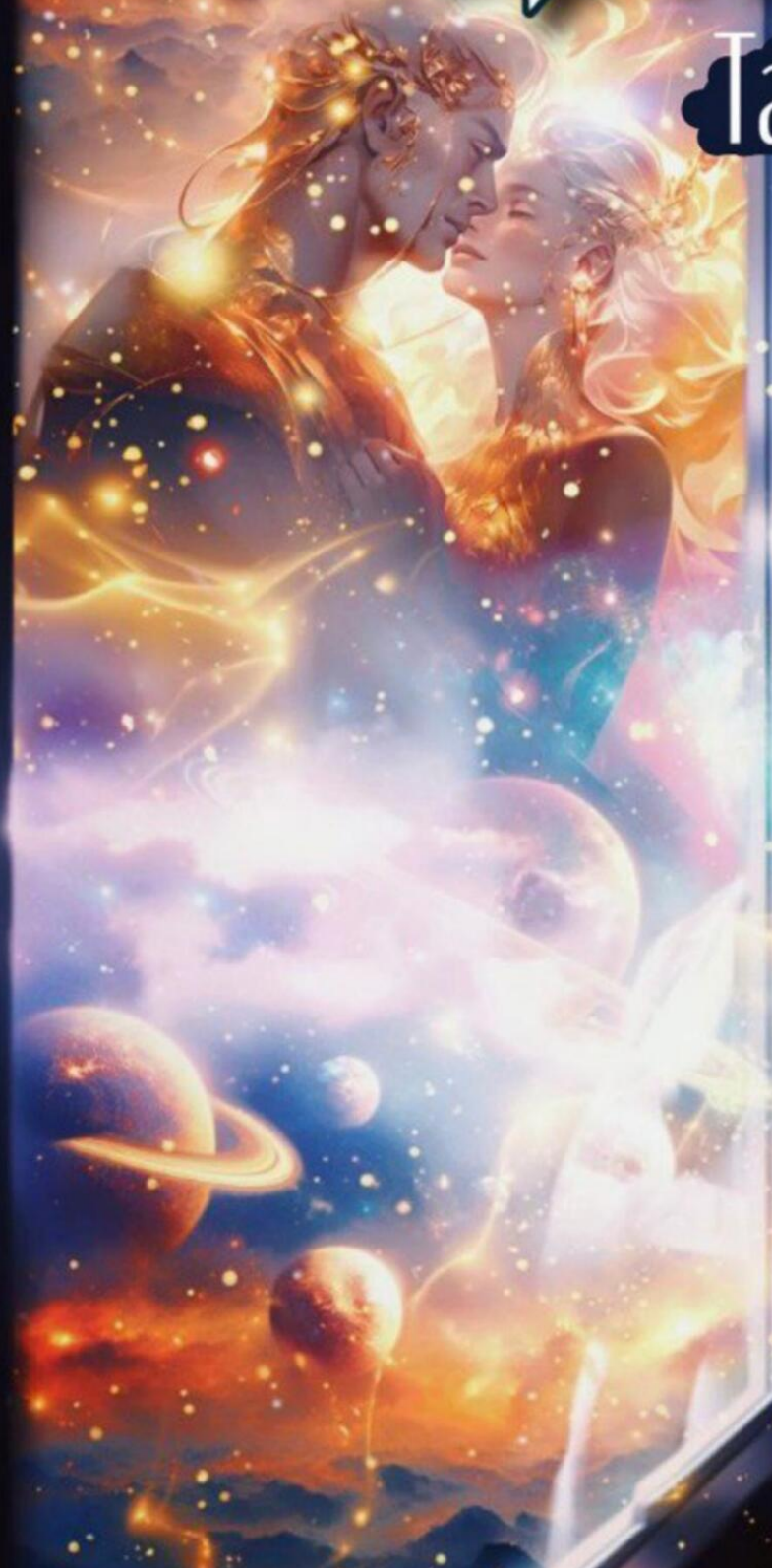

ПАЦИЕНТКА

Татьяна Раевская

Татьяна Раевская
Пациентка

«Автор»

2021

Раевская Т.

Пациентка / Т. Раевская — «Автор», 2021

Человечество часто задавалось вопросом: где проходит грань между сумасшедшим и гением? Ведь не единожды пророки и духовные учителя человечества, не будучи понятыми, выставлялись безумцами. Герой романа, Сергей Борисович — успешный врач-психиатр, заведующий собственной клиникой. Во время локдауна 2020 года ему предстоит разгадать тайну новой пациентки, а, возможно, и узнать нечто важное о себе самом.

© Раевская Т., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Дом	10
Глава 2	18
Хисаты	18
Глава 3	23
Свет на Пути	23
Глава 4	27
Василий Иванович	27
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Раевская

Пациентка

Посвящаю с любовью моим учителям

В далекие те времена, когда над миром сотворенным

Царило око мудрости и чистоты,

Был мир единым, полным, необремененным

Сознанием отдельности, где «я» и «ты».

В невинности был прожит целый век.

Но не растет в теплице человек.

Движение жизни не направить вспять.

Должно сознание само себя узнать.

Так был ли грех? Предательство, измена?

Да, был. Нет, не было. К чему слова теперь?

Ушел в исканье блудный сын, но в переменах

Пространства-времени ему открыта дверь

В свой отчий дом, где ждут всегда с любовью,

Каким бы ни был ты и сколько б ни прошел.

И если змей, чей яд бежит по венам с кровью,

Вдруг укусил себя за хвост, то значит – ты нашел!

И Ева, сбросив кожу старую навеки,

Марией чистою предстала в человеке.

Пролог

«А чем вы занимаетесь?» – спросил я.

«Как и вся наука, – сказал горбоносый. – Счастьем человеческим».

А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу

Алеона листала «Хроники», написанные светом по свету. Дойдя до середины страницы, она вдруг почувствовала мягкое обволакивающее тепло, которое не спутала бы ни с чем. Тао приблизился.

– Как ты, душа моя? Готовишься?

– Да, просматриваю материалы. Ар хорошо поработал. Все четко, как в «Откровении»¹. Сейчас время, когда становится понятно, кто есть кто. Кто хранит свет, а кто верит лжи и поддается навязанному хаосу. Ар еще и пандемию эту во время моей жизни раздует. Ход банальный, все уже было. И саранча, и отравленная вода. Но как же он это подать умеет, не придерешься! Каждый раз в новую обложку заворачивает. Сознание человечества засыпает, наступают они всегда на те же грабли. Это извечная слабость людская – леность и гордыня. Их, людей, без конца нужно будить. А теперь, – и она сосредоточенно перелистнула светоносную книгу, – люди и вовсе не знают, чему верить. И боятся. Очень. Посмотри сам.

– Да... Гигантскую темную сеть вокруг планеты он сотворил. Действительно, постарался. Тебе нелегко будет, любимая. Но я всегда буду с тобой! Только ты об этом забудешь... – он вздохнул.

А потом добавил:

– Я верю в тебя. Моя вера будет тебя оберегать.

– Так и есть, мой родной. – Она улыбнулась, и он почувствовал сияние ее сердца. Оно звенело воодушевлением. – Даже если я буду очень низко и ты потеряешь меня из виду, мы оба будем знать, что так и есть. Что мы вместе и твоя вера хранит меня.

Они пристально смотрели друг на друга. Мерцающий свет омывал их.

– Прими мою поддержку.

– Принимаю. Прими мое служение.

– Принимаю.

Они стали единым. Светящиеся энергии, взаимно перетекая, усиливались многократно и волнами расходились в бесконечное пространство.

– Ты же знаешь, – через мгновенье произнесла она, – я не могу не пойти. Не могу видеть эту возможность и не воспользоваться ею. Такой редкий случай, когда можно помочь Ей своим присутствием.

Они плавно перевели взгляд на Землю. В разряженном пространстве света вспыхивали яркие точки, потом взрывались и превращались в искрящиеся золотые облака, которые окутывали Землю легкой прозрачной пеленой. Одновременно появлялись темные пятна и расплзались по поверхности планеты. Облака теснили их на периферию, словно стремясь выдавить за пределы Земли. Борьба теней и светоносных облаков была постоянной, гармоничной и привычной взгляду. Но что-то было не так...

– Тао, посмотри, как он хитро придумал. Видишь? Он зашивает ложь в духовные знания, и она начинает разъедать их изнутри. Одна маленькая ложь, и все переворачивается с ног на

---

¹ «Откровение Иоанна Богослова». Глава 22, 10—12 «И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко. Неправедный пусть еще делает неправду, нечистый пусть еще сквернится, праведный да творит правду еще, и святой да освещается еще. Се, грядущее скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его»

голову. Как ложка дегтя, ложка лжи... Внешне все выглядит благостно, но внутри уже есть червоточина, это значит, что знание пусто, больше не содержит в себе истины.

К тому же люди начинают продавать за деньги то, что бесценно и не принадлежит материальному миру. Умно. Даже гениально. Он соединил два потока – свой, мирской, управителем которого он является, и высший, и перемешал их. Получилась продажная духовность. Человек платит за обучение и считает, что он что-то получил, чего-то достиг в духовном мире, ведь он уже «знает»! И больше ему не надо ничего делать.

Но это такой самообман! Интеллектуальное знание не дает освобождения. Не пройдя путь своими ногами, не получив собственный опыт, выходящий за пределы мира Земли, человеческое дитя не может прикоснуться к нашему миру. Оно остается в сфере пустых измышлений и несет дальше свои искаженные представления, передавая их своим так называемым ученикам. Сколько же там развелось проповедников и учителей, ты только посмотри! Помнишь, ты посылал через Матфея: «Берегитесь лжепророков, они приходят в овечьей шкуре, а внутри они – хищные волки»². Вот оно. Ар создает фантастическую путаницу в мыслях. Впрочем, он каждый раз перед сменой эпох торжествует и триумфально покоряет умы человечества.

Ведь многие из так называемых вестников истины реально верят в то, что им открылось нечто сокровенное. А истинных учителей так мало, и они не видны на фоне «популярного эзотеризма», особенно в эту пору. – Она сосредоточенно посмотрела в «Хронику». «Две тысячи двадцатый по Земле» – высветилось огненными знаками в эфире.

– Как же красиво и изящно он всех запутал! – Она вспыхнула прозрачным оранжевым светом, с восхищением и даже с изумлением глядя в открывшееся ей окно. – Ну что ж, значит, прежние методы не работают. Духовные учения требуют обновления. Великий Учитель Любви сделал сакральные знания открытыми для всех, а Ар гениально их обесценил. Теперь всякий Нерон может провозгласить себя посвященным. А спящие верят всему.

Видишь, под золотым облаком целая пелена темной тени. Она пока не видна, но стоит Земле вздрогнуть от страха, эта пелена поднимется, станет прочнее любого металла и скует планету жестким каркасом невежества. Золотой парчи духовной мудрости может не хватить, чтобы противостоять этому. Слишком много силы сейчас у Ара. Он скоро достигнет вершины своего могущества.

– Душа моя... – Тао снова приблизился к Алеоне, обволакивая ее своей заботливой силой. – Задача глубокая, требует полного погружения в человеческое. Как у Него тогда.

– Человеческое?

Она тут же приняла облик кокетливой светловолосой девушки:

– Скажи еще, что ты будешь тосковать, надеяться и как там еще? Ждать?

– Ждать, – сказал он тихо и даже торжественно, – надеяться и верить. Понимаешь, ты давно уже не была на Земле. Там сейчас тяжело. Тебе будет тяжело. Ты забудешь, кто ты.

– Зато я не забуду, кто ты-ы-ы! – Она взлетела и взмахнула руками, как бабочка крыльями. – И пока я это буду помнить, мне сам Ар не стра-а-шен! – звонко пропела она.

– Все смеешься. – Он принял облик высокого бородатого мужчины. Глаза его были сочного цвета каштана, но, когда он еще раз взглянул на порхающую в свете девушку, радужная оболочка начала изменяться. Подобно кольцам на срезе дерева, информационные кольца одно за другим накладывались на радужку, пока не произошла полная сонастройка с Алеоной в ее физическом облике. Глаза Тао стали темно-синими.

– Ты и меня забудешь. – Он тоже взлетел и завис рядом с ней. – Посмотри, какой сейчас уровень вибрации на планете. Когда ты начнешь двигаться вниз, ты постепенно потеряешь доступ к Библиотеке. Ты не сможешь проконсультироваться с Хранителями. Ты не будешь чувствовать меня.

---

² «Евангелие от Матфея», 7:15.

– Но ведь это невозможно! В прошлый раз...

– В прошлый раз мы были вместе. Пойми же ты! Ты идешь одна. Я останусь здесь. Ты станешь простым человеком. Более того – женщиной. Земной. Ты будешь чувствовать себя чужой в том мире, будешь искать своих, будешь искать любовь, будешь отдавать ее всем, будешь светить. Но там мир двойственности. Зло будет сопротивляться, ты узнаешь боль и предательство, много предательства. Тебе будет казаться, что ты одна. Что ты брошена. Что ты потеряла связь с Отцом. Что твоя жизнь бессмысленна.

Помнишь, Ар показывал нам, как он это делает? Одна маленькая мысль о своей смертности, и все. Человек живет в страхе и унынии. Ты забудешь, что бессмертна. Я знаю, что Совет утвердил твою кандидатуру. Но это сложная работа. – Он протянул ей руку и серьезно посмотрел в глаза.

– Пойми и ты, милый, дорогой мой, я не могу! – Она взяла его руку и прижала к сердцу. – Я не могу не пойти! Я сотворяла на этой планете океаны. Я столько труда уже вложила в ее красоту. Я ее люблю! И это шанс. Она же не может перейти на новый уровень, не превзойдя свою инертность и ограничения. Я покажу, как это сделать. Как справляться с тенью. Как жить по-настоящему, как быть Человеком. Я научу их! Все будет хорошо. – Она еще раз глянула в пространство, и перед ее взором пробежали сначала страшные, а потом радостно-цветные картины.

– Все будет хорошо! – еще раз с убежденностью произнесла она. – Я буду любить!

В это время в зал просмотров в Библиотеке вошел, а вернее, вплыл, зеленоокий красавец Ар. Его чешуйчатое тело также отливало изумрудно-зеленым, а в середине каждой чешуйки сияло золотой монеткой маленькое солнце. Золотой же была и грива роскошных волос, стекающих с головы на гибкую спину. Весь его вид приводил в восхищение.

– Алеона, все хорошеешь. Привет, Тао! – поприветствовал он влюбленных. – Симпатичное платьице. Розовенькое. Почему материальчик? Где достала? – Из изумрудного тела вытянулась клешня и схватила краешек подола.

– А тебе к лицу зеленый. – Алеона хлопнула ладонью по клешне и одернула платье. – Неужели ты в этом пойдешь? Смело.

– Благодарю, – он тряхнул гривой. – Я еще не решил. Но ты запиши свой комплимент в «Хрониках», а то ж забудешь на Земле. Тут некоторые, – он покосился на Тао, – тебя уж так напугали, что я аж-ж с-сам вес-с-сь дрожу, – ехидно просвистел он.

– А ты откуда знаешь? – спросила Алеона, подыгрывая.

– Ну как же. Подслушивал, – буднично ответил он.

Алеона засмеялась.

Способности Ара слышать все мысли, человеческие и космические, и оказываться в любой момент в любой точке любого измерения были известны. Поэтому подслушивать исподтишка было нелепо. Это же по-человечески. Ару, чтобы получить какую-то информацию в ее земном понимании, нужно было просто сконцентрироваться и сонастроиться: он смотрел и видел, слушал и слышал.

Ар одарил всех ослепительной манящей улыбкой.

Вокруг сразу разлилась энергия сладкой и тягучей неги.

«Ох, умеет же. Еву можно понять, хотя, конечно, переврали многое», – подумала Алеона. Ее мысли были перехвачены обоими мужчинами, и они дружно засмеялись. Ар вспыхнул теплыми разноцветными искрами.

– Ну почему ты выбрала этого книгочея? Ты же из Любящих. И я тоже. Мы бы творили такие миры страсти... Это была бы Высшая Тантра, м-м-м... Я своей эротикой, а ты своим сердцем. Вся Вселенная бы пела. – Эфир вокруг него раскалился и пошел алыми всполохами. И вдруг погас и потускнел. – А теперь мне приходится порождать любовь только на уровне каких-то мелких страстишек и делать всю черную работу на Земле.

– Ты опять за свое! Не начинай! – Все трое снова засмеялись. С этого ритуала разворачивалось любое их общение. Алеона и Ар росли и воспитывались вместе, их главной силой была Любовь. Но была она очень разной: у него – полная сладострастного упоения, у нее – сердечная и самоотверженная.

– Алеона, тебе тяжело придется, – посерьезнел Ар. – Я уплотнил завесу, закрыл все доступы к нашему миру, практически не оставил никаких ходов. Нет, они есть, конечно, но тебе, чтобы преобразовать тьму, нужно будет пройти через...

– Да знаю, знаю, – нетерпеливо прервала его Алеона. – Ну, ты сам слышал. Тао меня пугает полной потерей памяти. И что я даже его забуду и буду страдать. Или как правильно?

– Страдать, да. Это когда Свет сокрыт для тебя, и ты блуждаешь во тьме, как слепая. Даже я не смогу помочь тебе. Я не смогу уменьшить твои страдания.

– О чем ты говоришь! И даже не вздумай! В этом же и суть! Как иначе я наработаю энергопотенциал? Мне же нужно преобразовать боль в свет. Боли должно быть много. Да вы не переживайте, мои любимые. А то я сама уже начинаю переживать. – Она засмеялась, и словно нежный небесный колокольчик потрянул своей головкой и хрустально зазвенел.

– Ну ладно. Прощайтесь. – Ар засиял игривыми красками. – А то меня так и тянет устроить вам семейную сцену. Тем более, вы в телах.

Алеона обняла Тао. Они соприкоснулись сердцами, и он излил в ее сердце всю силу своей веры и надежды.

Через мгновение он остался один.

Глава 1

Дом

Все имена вымышлены,
Все совпадения случайны,
Все остальное – правда.

Сергей Борисович устало снял очки и бросил их на стол. Они упали золотыми дужками вверх, словно жук, поднявший свои лапки и застывший в недоумении, не в силах перевернуться. Сергей Борисович зажмурился и с силой размял лицо. Основаниями ладоней подвигал кожу на лбу, вверх-вниз, как будто желая стереть мысли, которые выбрались на поверхность из глубоких чертогов мозга. Захлопнул крышку ноутбука и поднялся из-за стола.

С наслаждением потянулся. Покрутил головой. Шея болела нещадно, а когда он поворачивал голову влево, то еще и поскрипывала, словно заржавевшая велосипедная цепь, которую надо бы срочно смазать. В последнее время он много работал за компьютером: у аспирантов скоро предзащита, да и свои научные статьи он предпочитал сдавать, не дожидаясь «мертвой линии», которую он про себя называл «мертвой петлей». При слове дедлайн перед его глазами появлялся детский рисунок виселицы, на которой в образе человечка-головонога болтался он, профессор всея Руси.

Он помассировал шею и подошел к огромному, во всю стену, окну. Кабинет располагался на втором этаже особняка, и из него открывался просторный вид на дальние поля. Весна в этом году была ранняя, и апрельское солнце уже согрело землю. На поле мирно паслась маленькая рыжая лошадка.

Сергей Борисович перевел взгляд на березовую рощу, зеленеющую молодой листвой, и двор с аккуратно подстриженными кустарниками, альпийской горкой, на которой пурпурным нарядом хвасталась примула, и с парой белых скамеек. Контуры скамеек и альпийской горки размывались в глазах Сергея Борисовича, словно их присыпали пудрой. Еще ближе, на поверхности стекла, он увидел свое совсем расплывчатое отражение: высокая худошавая фигура, темные волосы с проседью. Кашемировый свитер модного в этом сезоне темно-синего оттенка в отражении потерял свою синь, растекаясь бледным пятном по стеклу и слился с облачными пятнами над полями.

Свитера покупала жена. Она следила за внешним видом Сергея Борисовича. И за своим. Женственная фигура, медные волосы, безупречный маникюр. Богиня Диана, да и только. «Ноблесс оближ»³, – сказала она ему однажды, давным-давно, когда он, заработавшись над докторской, совсем выпал из реальности и забыл, что они собирались в магазин. В бутик, точнее говоря. Жена, в умопомрачительной шляпе с широкими полями, в сапогах на каблучке сантиметров десяти, не меньше («Маленький каблук не комильфо»), и в длинном пальто песочного цвета, возникла перед ним, как царевна Лебедь из пучины морской. Он недоуменно воззрился на нее. Потом, все вспомнив, нехотя встал из-за стола и попытался отыграть обратно:

– А может, ты без меня съездишь? Купи себе что хочешь.

Именно тогда жена произнесла свою сакраментальную фразу про «ноблесс», и он смирился. Действительно, положение обязывает. В те дни он был кандидат наук, а сейчас уже доктор и профессор. Слава богу, одежду теперь можно заказывать по интернету.

---

³ Noblesse oblige (фр.) – французский фразеологизм, буквально означающий: «благородное (дворянское) происхождение обязывает». В переносном смысле – «положение обязывает».

А тогда... пришлось ехать.

– Для меня шопинг – это выход в свет, пойми, – говорила жена и готовилась к «операции» по захвату в плен модных кутюрье и их рукотворных шедевров.

В бутиках она бросалась, как голодная львица на антилопу, на самые яркие костюмы и исчезала в примерочной.

Сергей Борисович присаживался на краешек несуразной конструкции, отдаленно напоминающей предмет для сидения.

– Располагайтесь, пожалуйста, – елейным голосом приглашала продавщица. Обязательно блондинка.

Сергей Борисович сидел на чуде дизайнерской мысли и ждал. В голове крутились обрывки идей, недописанные страницы начатой докторской.

И вот...

Занавес с шумом распахивался, и оттуда с победным видом вылетала жена в творении заморского «высокого» портного с непроизносимой фамилией. В этот момент у Сергея Борисовича неизменно выпадал из рук телефон.

– Ч-черт, – он наклонялся за ним, лихорадочно соображая, что сказать. Осторожно пытал счастья. Но кроме пораженческого: «Давай подумаем, отложим на часик», – ничего в голову не приходило.

– Мы заложников не берем, – гордо отвечала жена, воспринимая его гримасу, как та Верочка из «Служебного романа». «Хорошие сапоги, надо брать».

– Заверните, – командовала она. Продавщица восторженно кивала. А он уныло плелся на кассу, доставая из внутреннего кармана портмоне.

Жене хотелось блистать. Но Сергей был все время занят и не сопровождал ее ни в театры, ни на выставки. Поэтому, когда ей удавалось заполучить его в полное, но, увы, очень кратковременное пользование, она выжимала из этих походов максимум. Это было действие, спектакль, бенефис. И только она сама милостиво определяла меру и количество необходимой ей энергии почтения. «Королевская чета» обходила свои «владения» раз в месяц, заканчивая пиршеством в лучшей ресторации города.

Они были красивой парой. Она – рыжеволосое пламя. Стройная, с высокой грудью и царственной походкой. Синеоким взглядом чиркнет, как саблей. И голова твоя с плеч. Так Сергей и потерял голову. Это было неизбежно и предсказуемо, как смена светил на небосклоне в урочный час.

Почему она выбрала его?

Он был ей под стать. Высокий кареглазый красавец благородством черт и сдержанными манерами производил впечатление аристократа.

«Хороший мальчик из хорошей семьи», – поговаривали профессора на кафедре, а вахтерши, эксперты в психологии человеческих душ благодаря опыту наблюдения, вздыхали за его спиной: «В каком же огороде такое сокровище выросло?» И, безошибочно улавливая тенденцию: «Достанется же какой-нибудь вертихвостке. Охмурит, окрутит. К рукам приберет».

Никто, кроме его супервизора и психотерапевта, не знал, что Сергей Борисович, который с такой внешностью вполне мог бы стать личным адъютантом императора, родился он на век раньше, вырос в маленьком городке в Смоленской области, в простой семье рабочих полимерного завода. Родители его развелись, едва Сергею исполнилось двенадцать лет. Отец уехал искать счастья в Москву да там и сгинул, а мать осталась одна с тремя детьми.

Не сразу старший сын понял, что с мамой что-то не так. Истерила она ужасно. Кричала, срывалась на мелких, с какой-то неженской силой шлепала их, да так, что синяки не исчезали месяцами. А потом раздражение как-то незаметно для Сергея перетекло в апатию и слезливость. Еще через какое-то время она перестала ходить на работу, не было сил встать с кровати.

Только изредка она доползала до кухни, держась за стенки. Потом возвращалась в комнату, ложилась и плакала. Так продолжалось изо дня в день. Сережа вызвал участкового врача. Тот не сумел диагностировать гипостеническую неврастению⁴. «Переутомляемость, стресс», – равнодушно сказал он и посоветовал больше двигаться и бывать на свежем воздухе. Мать угасала быстро. В ней как-то разом иссякла воля к жизни. И даже дети не могли привязать ее к этому миру. Она ушла через несколько месяцев.

Только на второй год личной терапии, обязательной для студентов его специализации, Сергей смог заговорить об этом.

Давясь, как будто его душили, и заставляя себя с каждым словом проглатывать жесткий ком в горле, он рассказал психотерапевту, как вернулся из школы (младшие оставались на продленке) и нашел мать на полу в кухне. Она лежала на животе. Ее цветастый халат еле прикрывал ноги чуть повыше колен. Ноги тонкими палочками были раскинуты в стороны. В последнее время она почти ничего не ела.

– Мама! – крикнул он и тронул ее за плечо. Перевернул, приподнял и посмотрел в стеклянные глаза. Отшатнулся. Руки мелко затряслись, а внутри все покрылось острой ледяной коркой нестерпимого ужаса.

Официальная причина смерти – сердечная недостаточность. Долго еще ему виделось ее алебастровое лицо с острым носом.

Жене он сказал, что родители умерли.

Подробностей она не спрашивала, и он был ей за это благодарен.

Сергей Борисович еще раз посмотрел на кудрявые облака, прикрыл глаза и прислонился лбом к стеклу. Голова заболела, и противно задергалось левое веко. Последние три недели это случалось всякий раз, когда он вспоминал о разводе. Жене он оставил все: и дом, и квартиру. А сам переехал жить сюда. Тут у него был просторный кабинет и небольшая уютная спальня. Ему хватало. Работать, работать! Работа спасала от тягостных мыслей и невыносимых чувств. Он бросался в нее, как в бездонный океан. Работать и не думать. Не чувствовать, чтобы не мучить себя.

Он побарабанил по оконному стеклу. Рука его, если бы ее вылепил скульптор, стала бы произведением искусства, настолько ладной она была. Под кожей расходились и сходились ровные голубые веточки вен. Ладонь широкая, а пальцы тонкие и длинные, как у пианиста, берущего две октавы. Или как у хирурга. Сергей Борисович был врачом. Но не хирургом. На безымянном пальце поблескивало обручальное кольцо. Он тяжело вздохнул, снял его и положил в карман. Все. Эта страница его книги жизни прочитана и перелистнута. Работать! Спасаться от боли. И от удушающей ненависти к себе.

Он рассеянно посмотрел в окно. По гравийной дорожке, как обычно ровно в девять утра, уже вышагивал в резиновых сапогах сморщенный старичок. Его седые волосы торчали во все стороны, как у Эйнштейна. Утренний ветерок шевелил серебристый пух, и старичок машинально приглаживал его дрожащей узловатой рукой.

Он шел и вслух считал шаги.

– Раз, два, три, четыре... – бормотал он, ставя ноги ровно-ровно, одну за другой, подобно ребенку, который нарисовал себе линию мелком на асфальте.

Двести шагов. Дойдя до калитки, он прикоснулся к ручке, как пловец к бортику, разворачивался и шагал обратно, начиная считать заново. Раз, два, три... И так весь час, отведенный на прогулку.

---

⁴ Неврастения – психическое расстройство из группы неврозов, проявляющееся в повышенной раздражительности, утомляемости, утрате способности к длительному умственному и физическому напряжению. Гипостеническая неврастения – третья стадия неврастения.

«Ходит. Молодец, Нисон Гершевич», – подумал Сергей Борисович и снова вздохнул.

Нисон Гершевич в прошлом был знаменитым химиком. Доктор наук, автор нескольких серьезных патентов на изобретения, ныне он не мог связать и двух слов.

– Э-э-э, там, там, – он тыкал пальцем в высокое небо, – там. Кружок. – И потрясал руками, встречая недоумевающие взгляды собеседников.

В словах он переставлял слоги, так что понять его было невозможно, своих родственников не узнавал, и через какое-то время они перестали приезжать.

Сергей Борисович по-человечески их не осуждал. С этим действительно тяжело смириться. Воистину, кого Бог хочет наказать, того лишает разума. Уборщица Валентина плакала Сергею Борисовичу, что она боится заходить в палату к старику. У него была болезнь Альцгеймера⁵. Иногда, приходя убирать утром, она испытывала тошноту и отвращение – все стены и прикроватная тумбочка были обмазаны фекалиями.

Куча могла лежать и на полу, прямо у входа, и Валентина научилась открывать дверь со всеми предосторожностями. Вот и сегодня.

– Нисон Гершевич, вы опять! – Огромные серые глаза уборщицы наполнились слезами.

– Он! – страшным шепотом прошелестел старик. – Он! Терь не. – И довольно покивал.

Валентина вывела старика на прогулку и вернулась в его комнату. Поправила платок, прикрывающий длинную, почти до пояса, косу. Надела резиновые перчатки. «А что ты хотела, – сказала сама себе. – Такое вот послушание».

У Нисона Гершевича был один фетиш – его резиновые сапоги. С ними он не расставался. В любую погоду, в жару и в мороз, он надевал только их. При попытке забрать сапоги страшно трясся, брызгаясь слюной и злобно ругаясь. Ругательства были невнятные, но впечатляющие. Он впадал в ярость, кусался и бросался с кулаками на медперсонал в городской психиатрической лечебнице при любой попытке отобрать сапоги, и в конце концов санитары решили с ним не бороться и оставили ему его драгоценное сокровище.

Когда больного несколько лет назад перевели в частную клинику к Сергею Борисовичу, врача предупредили об особом отношении пациента к сапогам. Каждое утро старик, приходя с прогулки, клал их в раковину и с нежностью матери любовно намывал мылом и вытирал чистым полотенцем. Затем аккуратно расстилал газетку и ставил на нее сапоги, справа у двери. Всегда в одно и то же место. В этой фанатичной ритуальности Сергею Борисовичу виделась отчаянная попытка сохранить остатки тлеющего разума, найти островок постоянства в океане окружающей переменчивости. В остальном Нисон Гершевич был человеком мирным и неагрессивным. Главное, чтобы сапоги были при нем.

Болезнь Альцгеймера не лечится, поэтому пациенту оказывалась только поддерживающая терапия. В последнее время Нисон Гершевич вел себя хорошо. Сергей Борисович был доволен его ровным состоянием.

А вот Милена его беспокоила. Девушка двадцати семи лет. Биполярное расстройство личности⁶. В юности суицидальная попытка. Хорошенькая хрупкая блондиночка с пятнадцати лет красила волосы в черный цвет, таким же был и лак для ногтей. А также вся одежда. Полное отрицание своей женственности, глубокие и затяжные депрессии и отсутствие желания жить чередовались с внезапными вспышками неудержимой активности, во время которых она могла

---

⁵ Болезнь Альцгеймера – наиболее распространенная форма деменции, нейродегенеративное заболевание. Наиболее часто на ранних стадиях распознается расстройство кратковременной памяти. С развитием болезни происходит потеря долговременной памяти, возникают нарушения речи и когнитивных функций, пациент теряет способность ориентироваться в обстановке и ухаживать за собой.

⁶ БАР, биполярное аффективное расстройство, характеризуется двумя составляющими – маниакальной и депрессивной. В первой фазе пациент гиперактивен, во второй – находится в глубоком унынии.

«разгружать вагоны угля» по двадцать четыре часа в сутки и не уставать. В эти моменты у нее притуплялось ощущение холода, голода и усталости.

А через пару недель она падала без сил и лежала как полумертвая.

Мужчины ее обожали.

Нерешительных интеллигентов привлекала ее страстность и бешеная энергия, а сильных уверенных мужчин она покоряла своей хрупкостью и уязвимостью.

Виктимность, меланхоличность и таинственность... – Сергей Борисович и сам ощутил очарование этой женщины-ребенка. Хотелось защитить, порадовать, сделать счастливой. Однако он быстро опомнился. «Профессионализм не пропьешь», – усмехался он про себя.

К сожалению, в этот приезд у нее явное ухудшение. Сидит, молчит. Постоянно чем-то недовольна, о чем-то тяжело думает.

В клинику Милена приезжала, когда у нее случались обострения депрессии. Ее родители, самые успешные рестораторы города, подарили ей пару заведений, и Милена с огромной энергией и воодушевлением взялась за дело. Она продумывала все, начиная от дизайна и заканчивая меню. Сама набирала команду, причем упор делала не на профессионализм и опыт работы, а на энтузиазм, креативность и открытость новому. Ее рестораны процветали, родители были счастливы. До очередного обострения.

Когда Милена вдруг начинала хандрить, говорить об отсутствии смысла жизни и расставаться с текущим кавалером, отец, затаив печаль в глазах, привозил ее сюда, в реабилитационный центр «Дом надежды», как официально именовалось учреждение. Сотрудники и постоянные пациенты называли его коротко, просто «Дом». Будучи «в миру», Милена получала небольшие дозы антидепрессантов, которые помогали адаптироваться и вести обычный образ жизни.

Когда она приезжала в «Дом», Сергей Борисович назначал ей нейролептики и рекомендовал физическую нагрузку – полчаса в бассейне, три раза в неделю. И флоатинг – ей необходимо было учиться расслабляться. Но с бассейном часто не получалось. Ирина, медсестра, не могла уговорить пациентку, когда та, свернувшись калачиком в кресле и полностью зарывшись в плед, как в кокон, тихонько и монотонно выла.

В этот приезд два дня Милена почти не вылезала из своего «гнезда» в кресле. Она притащила туда чашку с чаем, чипсы, конфеты. Когда чипсы и конфеты были съедены, фантики она не удосужилась убрать. Грязная чашка валялась тут же, рядом с носками. Целыми днями она рисовала в блокноте человеческие головы, а потом замулевывала их черной ручкой, вырывала листы и бросала на пол.

Когда она стала мочиться под себя, Сергей Борисович велел Ирине надеть на нее памперс и записал себе: «апато-абулический синдром»⁷ со знаком вопроса. Этого только не хватало. Плохо. И очень странно. Нетипично. У Милены не было шизофрении, признак которой – такое поведение. Что же произошло, почему так поменялись ее реакции? Надо понаблюдать.

Одновременно в клинике могли находиться только десять пациентов. Большинство из них проживали здесь постоянно. У каждого была своя комната, которую на ночь закрывали на ключ. Буйнопомешанных среди них не было, так что жизнь текла более-менее однообразно и предсказуемо. Утренняя зарядка, завтрак, беседа с врачом, прогулка, процедуры, обед, процедуры, прогулка, ужин. Вечером для желающих Ирина обычно читала какую-нибудь книгу. Затем сон. Такая монотонность любого здорового человека свела бы с ума, но для душевнобольного она была необходима, как для младенца безопасная и стабильная среда.

---

⁷ Апато-абулический синдром (от гр. *Апатия* – бесстрастие и *Абулия* – безволие) — психопатологический синдром, сочетающий апатию и абулию и характеризующийся выраженным эмоционально-волевым оскудением. Является проявлением негативной (дефицитарной) симптоматики в психиатрии. Чаще всего вызван шизофренией. (Википедия)

В связи с пандемией клиника опустела. Многих, не тяжелых, пациентов забрали домой. Остались только те, у кого было весеннее обострение болезни, и те, кто находился здесь пожизненно.

Вместе с ними заложниками странной ситуации локдауна стали сотрудники клиники: сам заведующий и одновременно главврач, медсестра, уборщица и садовник. Их жизнь перевернулась с ног на голову.

Чтобы поддерживать порядок и привычный образ жизни в клинике, уборщице приходилось быть еще и кухаркой. Между уборкой и стиркой Валентина бегала на кухню и варила кашу и компоты. Обеды, слава богу, привозили доставкой из ближайшего кафе в тридцати километрах.

Повариха и охранник отпросились домой: у охранника Саши было двое детей, а у Веры Рустамовны, любительницы печь пироги по-аджарски, были уже и внуки. И к тому же ревнивый муж.

– Мнэ жэна дома нужна, – грозно говорил он в трубку. – Иначе у мэня самого дурдом будэт. Жэна должна дома ночевать, так, да?

– Да, – смиренно отвечал Сергей Борисович, перебирая в уме возможные контраргументы. Ни один из них не перевешивал железную логику. Жена должна дома ночевать, с этим не поспоришь.

– Вот. Я всэгда гаварил, что ты хароший доктор, – завершил беседу муж. – Кагда все кончитса, звони, да?

– Непременно. – Завклиникой положил трубку и пошел разговаривать с Валентиной. И с Ириной. У той тоже был муж.

Сергею Борисовичу было сорок девять лет, и он по праву гордился своим детищем. Его клиника была лучшей. В России точно, да и в Европе он мог бы составить конкуренцию самым престижным психиатрическим заведениям.

Он отвоевал у муниципальных властей огромную территорию для прогулок. Она была огорожена высоким забором, и везде по периметру, скрываясь в листве деревьев, были установлены камеры. Никакой охраны в зоне видимости, никакого контроля. У постояльцев и посетителей клиники создавалось впечатление, что они находятся на территории дорогого и симпатичного отеля.

Здесь был бассейн с комнатой для флоатинга, тренажерный зал, хорошая библиотека. Садам занимался недавно приглашенный садовник Пал Евгеньевич, который с разрешения главврача организовал несколько грядок для «жилцов». При желании любой из них мог прийти и покопаться в земле, прополоть сорняки или полить свои цветочки. Как дома, как у себя на участке.

Сергей Борисович даже завел для своих подопечных пони! Иппотерапия снижает агрессию, способствует выработке гормона роста и эндорфинов, гормонов радости, пробуждает желание любить и заботиться. Пони по имени Фунтик был очарователен. Рыжий, толстый и всегда довольный жизнью, он быстро стал всеобщим любимцем и гармоничной частью пейзажа, спокойно пасся на отведенном ему лужке и время от времени позволял кормить себя морковкой и наглаживать.

Пони был куплен в основном для самого маленького пациента лечебницы, которого звали Сенечка.

Щуплый беленький мальчик, почти прозрачный, по мнению Сергея Борисовича, был гениальным художником. Когда психиатр смотрел на его рисунки, он каждый раз поражался недетской точности взгляда и какой-то своеобразной, иногда тревожащей, глубине. Вчера Сенечка принес ему рисунок, который назывался «Три кота».

Обстановка комнаты была передана очень детализированно. В правом углу – окно с белой занавеской. По левой стороне шли в ряд кровать, тумба, стул, стеллаж с пустыми полками. Лишь на одной из них стояла какая-то миска и что-то вроде стакана. На стене две картины. На потолке люстра. На кровати две подушки и черный кот, свернувшийся калачиком. Он был маленький. Неужели Сенечка знает законы перспективы? Передний план занимали два других, тоже черных, кота. Они были уже покрупнее. Один лежал на пуфе, отвернувшись от зрителя. Другой смотрел прямо на тебя. Или в монитор? Перед котом на полу лежал открытый ноутбук. Надпись ASUS, проводок с мышкой. Все было фантастически реалистично. Рядом на трипode стояла видеокамера. Лицо у кота было человеческое.

Набросок производил странное впечатление. Сергей Борисович ощутил, как что-то тоскливо заняло внутри, и еще раз всмотрелся в ровные карандашные линии. В рисунке совсем не было жизненной энергии. Никакой детской радости. Только четкое логическое и пустое в сути своей уравнение. Дано: две картины, две подушки, три кота.

«Интересно, – подумал Сергей Борисович, – он очеловечивает котиков или, наоборот, намекает на то, что люди становятся как животные, просто чуть более цивилизованные, с компьютером и прямыми эфирами для самопрезентации».

У Сенечки было редкое заболевание.

Вернее, само заболевание нередкое – шизотипическое расстройство⁸. Но оно обычно встречается в более взрослом возрасте, так что случай Сенечки был уникальным. Помимо бредоподобного фантазирования у мальчика случались панические атаки и тяжелые приступы истерик. Он долго, громко и страшно орал. Больше всего это было похоже на одержимость, но родители Сенечки (папа, владелец строительной фирмы, и мама, молодая художница) религию отвергали и требовали у Сергея Борисовича научного объяснения припадков, во время которых их сын валился на землю и, извиваясь, полз, прокладывая маленькими детскими пальчиками чудовищной глубины борозды и издавая нечеловеческие звуки хриплым басом взрослого мужчины.

Походил он в эти моменты на невиданное и опасное животное, и приближаться к нему не хотелось. Особенно агрессивно он молотил ногами в сторону медсестры, которая пыталась сделать ему укол. Как только видел ее, начинал выть так страшно, что у всех присутствующих шевелились волосы. Потом успокаивался. Ничего не помнил. Просто падал и спал полчаса тяжелым сном усталого шахтера. Затем встряхивался, выпивал стакан молока и становился снова милым ребенком, любителем котиков. Невозможно было себе представить, что в этом хрупком беззащитном тельце могла таиться такая безумная звериная сила.

Он жил в клинике с няней, Светланой Георгиевной. Шестидесятилетняя вдова генерала после смерти мужа не могла усидеть дома. Деятельная натура двигала ее к поиску общения. Дети уже выросли, и она взяла на воспитание внука своей давней подруги по консерватории. Они с Сенечкой и рисовали вместе, и пели, и в бадминтон играли. Много времени проводили на конюшне.

Светлана Георгиевна научилась седлать пони и водила его под уздцы по манежу. Сенечка, покачиваясь в седле, сначала деловито хлопал Фунтика по шее и затем, поднимая одну руку (другой он крепко держался за специальную ручку на луке седла), командовал: «Впер-ред, Фунтик! Напр-раво! Налево!» Потом возвращался в комнату и, утомленный переживаниями, блаженно засыпал. Учился он тоже здесь. Светлана Георгиевна обучала его чтению и математике. Родители навещали Сенечку раз в неделю. У них был еще один сын, родившийся недавно,

---

⁸ Шизотипическое расстройство – расстройство, характеризующееся чужаковатым поведением, аномалиями мышления и эмоций, не подходящее по диагностическим критериям для диагноза шизофрении. Симптомы могут включать странное или эксцентричное поведение, холодность или неадекватность эмоциональных реакций, параноидные идеи, болезненные навязчивости, также могут быть редкие преходящие квазипсихотические эпизоды иллюзий или галлюцинаций.

и все свободное время они уделяли младенцу. Сенечка радовался их приезду, показывал, как он гарцует на коне, и потом всю неделю рисовал картины счастливой семьи. Когда не орал.

«Три пациента плюс Светлана Георгиевна плюс Валентина, то есть нет, минус Валентина, у нее же пост, плюс Ирина плюс Пал Евгеньевич плюс я – семь. Надо сказать Валентине, чтобы сегодня заказала семь обедов», – подумал Сергей Борисович. «А, нет! – вдруг вспомнил он. – Плюс еще один. Восемь».

Вчера доктору позвонил один из попечителей учреждения, известный актер, который щедро жертвовал на благотворительность. Когда-то Сергей Борисович с ним намучился. Лечился тот от алкоголизма и изводил всех в клинике своими приступами нарциссизма.

– Деточка, а подайте мне шляпу, – требовал он у Ирины, уронив шляпу на пол. – Вы же понимаете, мне негоже кланяться, я же народный.

Когда он решил подшиться и уехал, все вздохнули с облегчением. Сергей Борисович долго его не видел – не слышал, только регулярно получал неплохие суммы. А вчера актер снова возник из небытия.

– Сережа, – Голос в трубке был какой-то... просветлевший, ясный.

«Не пьет, – подумал Сергей Борисович. – Молодец».

– Слушай, я понимаю, что как-то сейчас не время, но очень надо. Понимаешь, надо. Посмотри одну бабушку, а? Только не спрашивай, кто она. Ради меня, а?

Сергей Борисович усмехнулся. Наверняка на том конце провода народный приложил обе руки к груди и послал ему свой «фирменный» проникновенный взгляд.

В лечебнице содержались родственники очень обеспеченных людей, и Сергей Борисович этой просьбе не удивился. На свой страх и риск он согласился принять пациентку во время объявленного локдауна.

Глава 2

Хисаты

– Чему вы учите?

– Ничему. Я считаю, что никто не может научить человека чему-либо. Человек учится всегда сам. И то, в каких условиях проходит обучение, какие у него учителя, какие спутники встречаются ему на дороге познания, зависит исключительно от качеств ученика. Его намерение, жажда знаний, горение сердца создают те обстоятельства, в которых может раскрыться духовный и творческий потенциал творца.

(Из дневника Марии)

На следующее утро новая пациентка сидела в его кабинете, сложив руки на коленях, как примерная девочка в школе. Ясные зеленые глаза, не поблекшие с возрастом, с любопытством и каким-то тайным весельем осмотрели комнату. Огромные окна, огромный письменный стол из темного дуба, два кресла по разные стороны стола – для врача и для больного. На столе задником вверх лежала фотография.

– Я не человек, – сказала она и пронзительно посмотрела ему в глаза. Он понимающе кивнул. Все это было ему знакомо. Слышал миллионы раз.

– Ясно. А кто? – Он сделал приглашающий жест. – Продолжайте, пожалуйста. Что было дальше?

Она прикрыла глаза и начала говорить, погружаясь в воспоминания.

– Я ощущаю себя неким облаком энергии, индивидуальность присутствует, но формы своей не вижу. Как будто я летаю по разным этажам или пространствам, и все они выглядят как черные дыры или даже сущности, трудно описать... Да, скорее, сущности, потому что они живые. И вселяют невероятный страх. От них идет темная энергия, жесткая, тревожная, липкая. А моя задача – наполнить их светом... А как я это делаю, и сама не знаю, что-то из себя надо... в себе как-то перевернуть, чтоб перестать бояться. Какая-то внутренняя работа должна произойти в душе. Надо принять происходящее, преобразовать страх и весь негатив, который от этих миров идет.

И я это делаю самой собой. Своим светом, который и есть я. Но как именно – не могу объяснить. Понимаете? – Она замолчала и с надеждой посмотрела на него. Он одобрительно кивнул. Она выпрямила спину и вдохнула.

– Ну это как дыхание. Делаешь вдох, и в организме появляется кислород, и ты можешь жить. Так и здесь. Мне страшно, но я подлетаю к этому страшному, делаю вдох... и вхожу в его глубину. И тогда это черное пятно исчезает. Паф! – Сергею Борисовичу показалось, что в него полетели брызги. – И оно лопается, как пузырчатая пленка, из которой выкачали воздух. На его месте не остается ни-че-го. Хотя... нет. Остается свет. – Она закрыла глаза и медленно произнесла:

– И мне кажется, что теперь это место будет заполняться чем-то прекрасным.

Немного помолчав, она продолжала:

– И еще помню, да. Вот это самое страшное – надо прикоснуться к ним... Представьте, что видите перед собой что-то очень неприятное. Они как копошащиеся черви. Слепые. Дурнопахнущие. С большими ртами, из которых торчат острые зубы. Они чувствуют мое приближение, разевают пасти и извиваются еще больше. Они не выносят света. Им дико страшно. И я тоже пугаюсь. Меня тошнит от страха и отвращения. А мне нужно... их пожалеть, что ли... Вот это

самое важное и самое трудное. Нужно, чтобы внутри родилось нечто, что растворяет брезгливость.

Я бы сказала – любовь. Или сострадание.

Она снова задумалась, приложив ладонь к губам. Посмотрела на него. Он профессионально отметил: «Взгляд ясный, не блуждающий, не горящий». Ему стало немного не по себе.

– Но эти слова сейчас так затерты, мало что передают. Их истинный смысл знают только будхисаттвы. Возможно, лучшее слово – понимание. Или принятие, что, в сущности, одно. Мы принимаем то, что понимаем. Даже если не принимаем. Как ни парадоксально это звучит.

И она продолжила, не отрывая от него взгляда:

– А если мы не понимаем, в нашем сознании этого как бы нет, и мы не можем принять. Поэтому всегда нужно стремиться к пониманию. Я не очень путано изъясняюсь?

– Нет-нет, все хорошо, продолжайте. – Он откинулся на спинку кожаного кресла, снял очки и положил их на стол. Золотой жук дернул лапками и застыл. В глазах Сергея Борисовича расплылся ее мягкий силуэт. Она сидела совершенно спокойно. Не дергала ногой, не теребила платье. Кисти, сложенные лодочкой, покоились внизу живота. От нее исходило невероятное умиротворение, которое он никогда не наблюдал у других пациентов. Он почувствовал, как расслабляется лицо.

– И вот так я летала, летала... и вдруг столкнулась с пространством, от которого ну просто невыносимым ужасом веяло. Никогда в своей жизни, ни во сне, ни наяву, я не испытывала такого бездонного ужаса. Это не просто страх, что тебе сделают больно. Ну или что ты встретился с чем-то противным, что разъедает твою душу. Это УЖАС. Неподвластный разуму леденящий ужас от того, что тебя поглотит этот антимир, вберет в себя. А у меня не хватит света, чтобы заполнить эту тьму. И тьма убьет меня. И станет сильнее в два раза, за счет моего света, которым она питается. И мир содрогнется, потому что будет огромный перекося. Насилие, беспомыслие, страдания поглотят души. А я погибну и больше не смогу возродиться и восстать из пепла. Меня не будет. Никогда. Ни в какой форме, ни в тонкой, ни в супертонкой.

Наступила пауза. Он почувствовал ком в горле. Этот ужас был ему знаком. Перед внутренним взором на мгновение промелькнуло алебастровое лицо умершей матери. Пациентка медленно продолжила, давая себе и ему время прожить смысл слов.

– Это ад, как его люди представляют, только еще хуже. Христос ходил в ад, он спас души грешников и затем вознесся. Орфей ходил в ад. И вернулся. Великие души прошли это испытание. Но смогу ли я... Меня трясло.

И я так испугалась, что захотела убежать от него. Я перед лицом этого ужаса отступила. Я побоялась, что не справлюсь. И тут же «проснулась» – но не в этой реальности, а как бы в промежуточной. Там я осознала, что все это был сон, и что я проснулась не до конца, и что важно решиться и «заснуть» опять в то страшное место. Хотя... был и выбор проснуться окончательно сюда. Выбор всегда есть, понимаете?

Он мрачно кивнул. Выбор всегда есть, ну-ну. Он сам так постоянно говорит пациентам. Чтобы мотивировать их к действию, к развитию. А вот какой выбор у ребенка, когда на его руках умершая мать и ничего невозможно изменить? Только годы спустя, на третьем курсе, он понял, что была врачебная ошибка и его мать могли бы спасти, если бы диагноз был поставлен верно и она попала бы в клинику. Но даже знание психиатрии не могло перебить укоренившееся с детства мучительное чувство вины и невыполненного долга.

Ему было странно, что снова так больно. Ведь казалось, что он все уже проработал, научно объяснил, протерапевтировал. А эта женщина как будто дотронулась пальцем до зияющей раны.

– В этом месте между мирами я оказалась в какой-то пещере. Что-то типа грота, – продолжала пациентка, и он заставил себя слушать. Или сделать вид, что слушает. Частью сознания он был погружен в свою боль. – А за пределами пещеры – грохот и жуткий стон. Как будто

снаружи идет война, там много боли, оторванные конечности, люди истекают кровью. Это, наверное, самый понятный для человека образ – война. И нужно выйти в пространство войны не для того, чтобы бороться со злом или защищать себя, а чтобы отдать себя и тем самым изменить двойственность мышления.

Мы же привыкли все делить на черное – белое, плохое – хорошее, тот умный, а этот дурак. А вот не делить на добро и зло сложно. Победить, не борясь, это, знаете, требует глубокой веры. Если честно, то страшно. Очень. Понимаете? Это не просто страх погибнуть, а страх еще больше ухудшить состояние Земли. Это огромная ответственность.

При слове ответственность он вздрогнул, словно проснувшись.

– Если тьма меня поглотит, я подведу своих. Путь, который люди прошли до меня, сотрется. Люди забудут Озириса, Иисуса, Кришну. Их сердца закроются для любви на долгие времена. Понимаете?

Сергей Борисович незаметно вздохнул. Без Иисуса не обошлось, как обычно. Спаситель на спасителе. И почему же столько страдания в мире? Мягко кивнул: продолжайте, пожалуйста.

– Но все же я согласилась опять туда нырнуть. Я почувствовала, что сумею. Что надо попытаться. Что я должна вернуться и доделать свою работу. Что я не смогу по-другому. Жить не смогу, если не попытаюсь. Буду казнить себя. И я сжалась в комок и... и шагнула из «грота» к тому страшному. Нырнула в бездну. И вы знаете... Я попала совсем в другое место. Там было несколько человек, и кто-то мне говорит: «Хочешь посмотреть на тело Иисуса? Его только что сняли с креста».

Я глянула мельком, взгляд словно сверху, и мне было тяжело и неприятно смотреть. Я видела, как из физического выходит тонкое тело, но оно было неопишуемой формы. Не «человеческой». Я чувствовала, что не надо туда смотреть, нельзя, нехорошо это. Это очень интимный момент.

Я отлетела в сторонку. Неожиданно пространство передо мной стало меняться, заколыхалось, и все тело мое завибрировало, и я поняла, что Он здесь, со мной, а не там, на кресте. Что Он – Живой, а не мертвый. И такая мощная от Него шла сила – а я видела только колебания пространства, оно как будто размывалось перед глазами, так что я опустилась на колени и закрыла глаза. И тогда кто-то подошел и меня благословил – на лбу крестик нарисовал. Я настолько явно почувствовала это кожей, что у меня и сейчас лоб горит, когда я это описываю. Благодать и слезы... Я была так счастлива! Это был Он, сам Иисус. Вы понимаете?

– Да, понимаю, – сказал он почти механически. Он понимал мало. На что это похоже? Сновидческая иллюстрация катабасиса⁹? Сошествие в ад, чтобы привнести туда свет и спасти души грешников? Мифологический мотив катабасиса присутствует во многих архаических преданиях. Он обычно связан с трансформацией героя, с неким посвящением.

Но то, о чем говорила эта женщина, описывая мельчайшие детали своего сна, каждое переживание души, не было похоже на известные ему сказки и легенды.

И все же было знакомо. На каком-то другом, не интеллектуальном, уровне. Ведь этот ужас, о котором она рассказывала, вдруг ожил в нем самом, выплыл из детства. Он ощутил его всем существом, хотя был уже не ребенком. Сергей Борисович встряхнул головой, привычным жестом растер шею. Усилием воли заставил себя отогнать прошлое и вернуться к профессиональному «я».

Пациентка настаивала, что ее опыт был внетелесный. Интересно. Хотя, с другой стороны, можем ли мы утверждать, что опыт героев мифов был прожит как-то иначе? Что Орфей ходил за своей Эвридикой в физической форме, а не во сне? Или она не про внутренний ад расска-

---

⁹ Катабасис (греч.) – сошествие в ад (лат. descendus ad inferos), мифологема, возникшая в эпоху развитого земледелия. Предшествует анабасису – «восхождению». Вместе катабасис и анабасис лежат в основе некоторых ритуалов, например, Элевсинских мистерий (Википедия). Во многих мифах и религиях герои спускались в преисподнюю, чтобы спасти близких людей (Геркл, Гермес, Орфей) или возвестить благую весть грешникам (Иисус).

звала? Да нет, вряд ли. Скорее всего, все-таки это архетипические видения, которые открываются экзальтированным душам и отличаются только личной окраской. В общем, хочет считать себя спасительницей мира, ну ок. Это не диагноз. Пока.

– То, что я поведала, лишь малая толика осознанного. Главное, что я поняла, – нас всех очень любят. Очень! И нас принимают такими, какие мы есть, с нашими слабостями, с нашими страхами. И принимают наш выбор, каков бы он ни был! Это очень важно понять: любой наш выбор – правильный! Он соответствует нам. Он соответствует свободе, которая нам дана изначально. Я поняла, что, если я не пойду на взаимодействие с темным и жутким миром, меня поймут и не осудят. Меня любят, любят. Понимаете? И вас тоже любят! И каждый ваш выбор – правильный. Ошибок вообще не существует. Мы действуем так, как понимаем в данный момент.

Если бы вы могли поступить иначе, вы бы поступили. Но вы не могли. Вот и все. Важно не корить себя за ошибку, а осознать опыт и двигаться дальше, вперед. Ведь мы часто не видим целого. То, что кажется ошибкой, может стать важным шагом на пути.

Меня благословили за то, что я решила превзойти свой страх, за то, что я выбрала служение свету. Но если бы я выбрала другое, меня бы не осудили!

Она замолчала. Молчал и он. В наступившей тишине отчетливо были слышны заливистые птичьи трели за окном. «Весна идет, весне дорогу...» – подумал Сергей Борисович. Пациентка поискала что-то глазами в воздухе, словно на потолке проявились видимые только ей надписи, и торжественно произнесла:

– Главное, чтобы выбор соответствовал «мне» той, которая существует в этот момент. Исходил из моего естества. Чтобы, совершая его, я не предала себя. Это самое важное. Потому что, предавая себя, мы предаем Бога в себе. А это вообще никому не нужно. Никакие действия, совершенные из чувства вины, чувства долга или контроля, не будут верными. Поэтому осуждать себя нельзя. Нужно себя понять. С пониманием придет прощение.

Она смотрела на него спокойно и расслабленно. Из глаз лучилось доброе сочувствие и неожиданная для него теплота. Но почему-то под ее взглядом он почувствовал себя неуверенно. «Она меня жалеет, что ли? С чего бы?» – пронеслась в голове шальная мысль.

Он взял очки со стола, покрутил их в руках, снова бросил на стол, потер переносицу.

– Спасибо, Мария Михайловна. Продолжим завтра. Отдохните пока, погуляйте.

– Хорошо. Спасибо вам. – Она встала, медленно вышла из кабинета. Он проследил взглядом за ее хрупкой, небольшого роста фигурой. Серебристые волосы, убранные в пучок, серая кофта из мягкой шерсти, шоколадного цвета юбка длиной до лодыжек. Тапки с мягким задником, в которых здесь ходили все. Она шагала неслышно, совсем не шаркая, твердо ставя пятку. Пятка-носок, пятка-носок. «Может, бывшая балерина», – подумал он.

В дверь тихонько поскреблись, и вошла медсестра, тоненькая молодая женщина с мелкими чертами лица, похожая на лисичку.

– Сергей Борисович! Я вам нужна?

– Да-да. Ирина, зайдите ко мне на минутку. Скажите, а что она делала вчера, когда приехала? Во время прогулки или у себя?

– Просто сидела. Сидела с закрытыми глазами и улыбалась. – Ирина протянула ему пачку штампованных документов. Он быстро пролистал их. «Без патологий», «Здорова», «Видимых изменений нет».

– М-да. Еще одна спасительница мира. Хотя бабушка весьма интересна, говорит как пишет... Ну ладно. Пока пусть без назначений. Спасибо, Ирина, вы можете идти. Буду думать.

Медсестра вышла и тихо прикрыла за собой дверь.

Странная все же история. Непонятно, какой диагноз. На первый взгляд, она не выглядела душевнобольной, вот что смущало врача. Тогда зачем она здесь?

Он еще раз посмотрел ее карточку. Мария Михайловна. Восемьдесят три года. Диагноза пока нет. Он вспомнил ее ясные глаза, спокойное лицо, расслабленную позу, мягкую манеру выражать мысли. Речи ее были ему непонятны, но в них не было ни вязкости, ни путанности. Интересно. Очень интересно.

В ушах зазвучал ее голос: «И вас тоже очень любят!», «Поэтому осуждать себя нельзя».

Сердце заныло. Эти слова попали в больное место, в тайное место, где жил маленький мальчик, жаждущий любви и прощения. А «большой мальчик», доктор наук и профессор, психиатр, психотерапевт, заведующий отделением и успешный профессионал, только и делал, что судил себя не щадя. И в смерти матери, и в том, что был плохим сыном, и в разводе, и в том, что был плохим мужем. Врачом он был хорошим, это да. Но врачевать сам себя не мог.

Вздыхнув, Сергей Борисович надел очки и открыл ноутбук. Как она сказала? Про тех, кто знает истинное сострадание. Что-то на санскрите. Хисаты? Сатвы? Он набрал в поисковике эти странные слова.

Бодхисаттва – высветилось на экране.

Глава 3

Свет на Пути

17. Разыскивай путь.
18. Ищи путь, отступая все более внутрь.
19. Ищи путь, выступая смело наружу.

Мейбл Коллинз. Свет на Пути

Мария Михайловна медленно дошла до скамейки, села и прикрыла глаза. Она ничего не забыла. Такие вещи невозможно забыть. Они реальнее той жизни, которую люди считают реальной. Она помнила все, до мельчайших подробностей, хотя прошло уже больше сорока лет. Потом была встреча с Учителем, разочарование и потеря. Она думала, что видение и благословение Христа – это конечный пункт ее многолетнего поиска, но оказалось, это только начало... Сейчас прошлое снова стало перед глазами.

Она тогда проснулась потрясенная. Чувство благодати разливалось в теле теплом и мягкой пульсацией. Казалось, каждая клеточка вибрирует и светится... Ооо... вот это сон. Она видела Христа! Она вспомнила момент снятия с креста и свое нежелание смотреть туда: от физического тела отделялось тонкое, но оно было такое странное, что разум отказывался это определять, классифицировать, сравнивать с чем-то. Выглядело тонкое тело так, как будто у Иисуса две головы... «Нет, нет, не хочу вспоминать, не хочу смотреть!» Она усилием воли отвлекла себя от этого образа, как делала всегда, когда не могла сразу осознать картинку. Понимание придет. Потом.

А сейчас она стала с удовольствием и приятным чувством, охватывающим тело от низа живота до сердца, смаковать подробности, которые были доступны разумению. Сначала пришел восторг и чувство гордости. Она смогла! Она преодолела свой страх! И какой страх. Самый страшный, самый глубинный страх перед небытием, перед разрушающей пустотой, перед неназываемым. Она смогла. Это было то, о чем пишут в сказках, когда Иван должен прыгнуть в чан с кипящей водой. Только тот, кто не убоится, выпрыгнет преображенным. Она выбрала не Иисуса распятого, а Иисуса воскресшего, не страдания, а жизнь, жизнь вечную. Чтобы увидеть Божью любовь, вися на кресте, нужно превзойти в себе человеческое – сомнения, претензии, страх, боль. Отдаться. Тотально, полностью, не прося награды за свою жертву. Только тогда свершается чудо.

«Вот что значит распятие, – думала она, идя привычной дорогой в школу. – Сегодня я им обещала контрольную. Нужно проверить спряжение глагола «быть», как всегда в начале учебного года. Je suis... Tu es¹⁰... Я есть. Интересно, Иисус боялся? Боялся. Это страшно – а вдруг умрешь. Не телом, а всем собой. Вдруг... не получится?! Сомнения присущи человеку, они часть работы нашего логического ума. Нельзя, нельзя их слушать! Интересно, можно ли объяснить другому, что такое Вера. Как, на каком уровне, с помощью каких внутренних инструментов делается выбор?»

Она не знала. Кленовые листья под ногами пестрели разными цветами. Она прислушалась к их шороху. Подбросила их ногой. Они приподнялись в воздухе желто-красным веером и плавно опустились на землю. Я есть. Ты есть... Иисус отдал себя. Хотя ему было страшно. И она тоже сделала свой выбор. Она вспомнила тот момент, когда шагнула в темную бездну.

---

¹⁰ Je suis, tu es (фр.) – я есть, ты есть (спряжение глагола *etre* – быть)

Смерти нет. Вслед за Христом она доказала это. Доказала самой себе. Значит, все правда. И ее предназначение теперь – нести людям знание Христа о том, что смерти нет, а есть лишь вечная жизнь. И есть любовь. В уме сами собой сложились строчки.

В миг распятия тревожный

Соверши... что невозможно.

Превзойди в себе – себя.

Не страдая, но любя.

Содрогнется мир огромный —

Ты познал его основы.

Смерть. Глубокий вдох. И снова —

Пустота родит движенье.

И победу – поражение.

Любовь. Она разлита в пространстве как сладкое молоко, которым питаются все дети Земли. Она есть то, что соединяет их всех в одно огромное любимое дитя Божье. Пройдешь через смерть, и откроются врата истинной любви и жизни вечной. Ведь только «смертию смерть поправ», можно раскрыть в себе новый мир. Смерть – огромная трансформирующая сила. Пережить смерть при жизни – это значит стать «дважды рожденным» («двидживой»).

Она вспомнила слова своего наставника, сказанные чуть позже, чем случился этот опыт, и поставившие все ее переживания и сомнения на свои места: «Двиджива означает не только дважды рожденный, дважды живущий, но и имеющий две души»¹¹.

После встречи с Иисусом Мария Михайловна ощущала себя именно так – как будто в ее прежней форме живет теперь новая, мудрая, всезнающая душа, соседствуя с прежней, привычной и подверженной человеческим слабостям и страхам.

К тому моменту, когда она подошла к дверям школы, она поняла с непреложной уверенностью, что сегодня ночью, без всякой видимой причины, без специальной мольбы, она получила посвящение и благословение. Это была милость. Была ли она следствием ее многолетнего внутреннего вопрошания? Или была подарком от духовного мира? Кто знает... Главное – это случилось.

Теперь она увидела ясно, как через прозрачное стекло, что она всегда получала только тот опыт, который ей был необходим именно в данный момент, и ничего случайного в ее жизни не было. Картинка сложилась полностью. Вестником, несущим откровение, мог быть кто угодно

---

¹¹ «Понимать это следует так, что, возвращаясь в определенную камеру, я не возникаю там “из ничего”, как некая форма, к ней не приписанная, я вселяюсь в форму, присущую данному времени, данному месту, данной камере. И у этой формы есть свой ПУТЬ, изменить или нарушить который я не состояниИ. Иное дело, что он соответствует той задаче, которая мне задана. Таким образом, у этой формы оказываются как бы две “Я-личности”: одна, присущая ей и этому миру, действующая и оценивающая подобающим образом, и другая – моя, присущая тому, кто вернулся сюда, кто знает истину. Поэтому внешне двиджива проявляет себя двояким образом: с одной стороны он действует разумно, с другой – вынужден подчиняться ПУТИ своей формы. Это подобно тому, как если бы я имел форму собаки, но обладал при этом умом человека. Я видел бы и понимал гораздо больше, чем другие собаки, и руководствовался бы в своих действиях мотивами и побуждениями, не знакомыми им, но для них я оставался бы такой же собакой, разве что со странностями» («Посох Путника»).

или что угодно. Все люди, и события, и даже сны были частью этой картины. Единственным необходимым условием была ее готовность воспринять знание и понять связи. Когда приходило понимание, сознание расширялось.

– Так ведь это как в школе, – размышляла она. – Посади первоклассника в десятый класс, он ничего не поймет. Но как только он готов перейти на следующую ступень, он видит на ней дары, предназначенные ему. И берет их по праву, так как они – его. Они стали частью его сознания, они ему соответствуют.

Если же он еще не готов и прыгает со своей ступеньки в надежде заглянуть, что там, вверху, он теряет смысл данного момента жизни, который готовит его к будущему.

«On ne peut pas brûler les étapes», как говорят французы.¹²

Необходимо понять опыт каждой ступеньки, чтобы не быть тем первоклассником, который, заглянув на урок астрономии в 10-м классе, испуганно, на цыпочках, выходит разочарованным.

Всему свое время.

Сейчас пришел Ее час.

Многие истины, которые стали очевидными для Марии Михайловны после этого опыта, невозможно было передать словами. Она просто знала. Ее понимание не вызывало сомнений. Что теперь? Служить людям, передавать знания, стать учителем. «Хотя... я ведь и так уже учитель», – улыбнулась она про себя, открывая дверь школы. Je suis. Будь тем, кто ты есть. Забавно получилось.

После уроков ее настигли и одолели сомнения. Что она себе вообразила? Учитель Любви. Ха-ха. Как ты себе это представляешь? Выйдешь на амвон проповедовать? Забыла небось, что с такими делали в Средние века? Забыла, в каком государстве живешь? Нет, не забыла. Поэтому и страшно. Что она может? Немолодая уже учительница французского языка, которой внезапно открылась истина. Куда ее нести? Как найти людей, которым это нужно? Страшно. Вчера не побоялась спуститься в самый ад души, а сегодня боится жить. Да, вот так. Это человеческое – бояться...

Мария Михайловна верила в Бога. Семья ее жила в маленькой деревушке в Ярославской области. Бабушка покрестила ее в три года. В тот летний день они долго ехали в телеге, запряженной низкорослой лошадкой, которая маленькой Маше казалась огромной и ужасно говорливой. Она все время громко вздыхала и фыркала. Маша сидела в колючем сене, опираясь спиной на бортик и наблюдала, как лошадиный хвост гоняет настырных мух. Вправо-влево, вперед-назад, он трудился неумолимо. Она задремала. Сами крестины не помнит, но ощущение праздника запало в душу. Утром следующего дня она, раскрасневшись ото сна, прибежала в одной рубашонке в хлев, где бабушка доила корову.

– Бабушка! А когда мы снова поедem креститься?

Через год началась война.

Отца забрали сразу. На прощанье он прижал Машу к груди, и она почувствовала щекой мягкую бороду. Больше она его не видела. Они остались с мамой и бабушкой. Жили трудно. Одна отрада была у Маши – тайная любовь. Бабушка научила ее молиться, и они подолгу вместе стояли на коленях перед простенькими образами, висящими в «красном углу». «Какой красивый Иисус, – думала Маша. – Борода как у папы».

В школе про Иисуса рассказывать было нельзя. Там все любили дедушку Ленина. Он тоже был красивый и лучезарно улыбался с октябрятского значка. На значке он был маленький, и это примиряло Машу с ним. «Это мой братик, – думала она, – а Иисус – мой папа». Фотокарточки папы дома не было, и со временем образ Христа и образ отца слились в одно.

---

¹² Нельзя сжигать этапы (фр.)

Когда она в 1954-м после школы приехала в Ленинград и поступила учиться в педагогический, прогрессивная молодежь на факультете иностранных языков растолковала ей, что деревенские жители темные и невоспитанные и верят во всякую чушь от недостатка образования. Но Мария нет-нет да вспоминала бабушку и молитвенное благоговение, которое она переживала рядом с ней, безграмотной и темной крестьянкой. «Иисус все знает, – говорила та. – Он глядит прямо в сердце».

Придя после школы домой, вся во власти сомнений, Мария подошла к зеркалу в тайной надежде увидеть кого-то другого. Молодую, уверенную в себе красивую женщину. А что? Вон Иван выскочил из котла красавцем. Но нет. Чуда не случилось. На нее смотрело привычное тридцатитрехлетнее отражение. Опущенные плечи, гладко зачесанные и собранные в пучок темные волосы, скромная коричневая кофточка. Может быть, только глаза редкого изумрудного оттенка светились по-новому. Как будто зажглась в них какая-то искорка. Но не присмотришься – не заметишь.

Она вздохнула. Что же делать? Где искать своих? Поздно уже. А еще контрольную проверить. «Но ведь если Господь доверил тебе знание, так он же и предоставит возможность его применить», – сказал внутренний голос, который всегда вступал в полемику с тем насмешливым первым. «А и верно», – согласилась она.

«Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее¹³, – думала она, механически чиркая красным в детских тетрадах. – Я потеряла и сберегла, а значит, Господь укажет, как ею нужно распорядиться».

И Он указал.

---

¹³ «Евангелие от Матфея». 16:25.

Глава 4

Василий Иванович

Учить не уча,
Жить без ожидания,
Любить всегда —
Так рождается бодхисаттва.
(Из дневника Марии)

Через два года, в ноябре 1972-го, выходя из школы глубоким ленинградским вечером, Мария стала свидетельницей страшной драки рядом со школьной площадкой. Было уже темно, лишь одинокий фонарь очерчивал бледный полукруг перед зданием школы, а кусты вокруг площадки и вовсе тонули в темноте.

Обычно она быстро перебежала на другую сторону улицы, чтобы ждать автобус на освещенной остановке, но сегодня в черной бездне за лысыми кустами раздавалось какое-то сдавленное пыхтение, и она с опаской приблизилась к одинокому фонарю, чтобы посмотреть, что там. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела молчаливый и оттого еще более утрашающий бой. Трое на одного. Здоровенные парни мутузили тщедушного на вид, но не желающего сдаваться «студента». Все его лицо уже было в кровоподтеках, один глаз полностью заплыл. Из-за чего началась потасовка, она не знала, но то, что драка была неравной и несправедливой, было очевидно.

– Вы что делаете! Оставьте его в покое! – тоненько закричала она, но никто не обратил внимания на ее писк, и она остановилась неподалеку в нерешительности. Бежать обратно в школу, на вахту? Там телефон. Надо звонить в милицию! Но не успела она развернуться в сторону школы и сделать первый шаг, как ситуация на импровизированной арене, где бился хлюпик-гладиатор, изменилась.

– Как же так, ребята, – сказал вдруг кто-то спокойно. – Трое на одного? А честь война?

Она знала его – школьный сторож Василий Иванович, худощавый жилистый мужчина среднего роста, с острым, цепким взглядом.

– Отвали, мужик. – В руке одного из нападавших блеснул нож. То, что студент был еще на ногах, казалось чудом. Вероятно, они просто хотели попугать, забив его до полусмерти.

– Вызывайте милицию! – крикнула Маша новому союзнику.

– Не надо. – Сторож как-то по-кошачьи подошел к группе дерущихся, поднырнул в середину, и через мгновенье парень с ножом уже лежал на земле, а остальные недоуменно застыли в нелепых позах.

– Ребята, настоятельно советую вам удалиться, – тем же спокойным тоном сказал «вахтер». Подхватив обмякшее тело приятеля, нападавшие попятились, потом побежали. Наступила тишина. Только судорожные вздохи студента, стоявшего согнувшись и уперев руки в колени, всплесками оттеняли звенящий покой.

Все произошло так стремительно, так по-киношному молниеносно, что Мария почувствовала какую-то нереальность увиденного, словно она оказалась не в роли наблюдателя за кадрами фильма жизни, а внутри самой киноленты. Скорость развернувшихся, а затем свернувшихся в точку событий ошеломила ее. Эта новая позиция в центре внезапно затихшего тайфуна из собственных эмоций, звуков мужского дыхания, пугающих картинок вызвала беспокойство.

Ее реакции не успели откликнуться на увиденное, и она внезапно осознала, что стоит, замерев с полуоткрытым ртом, будто фильм поставили на паузу. И будто она, Мария, здесь вообще ничего не решает: жизнь обскакала ее бешеным галопом, а она не успела и охнуть. Она выдохнула и опустила руки, судорожно прижимавшие к груди коричневую дерматиновую сумку.

– Чаю? – задумчиво осведомился нежданный спаситель у пустоты перед собой. Вытиравшая кровавые подтеки на лице жертва и восторженный свидетель дружно кивнули. Пока шли к школе, в глубине души Марии пролетело легкое облачко вины – дома ждали муж, дочь и негуляная собака. Но отказаться от приглашения она не могла – вся эта история напоминала ей вырванную страницу из книги, которую она когда-то читала, но потом позабыла, а вот теперь начинает вспоминать... Ей обязательно нужно было узнать продолжение!

– Геннадий, – кивнул ей спасенный.

– Мария Ми... Маша.

Парень был моложе лет на пятнадцать, но ей не хотелось официоза в обращении. Так они оказались в маленькой комнатке, которую Мария окрестила «дворницкой» и которая стала для них вратами в неизведанное, родным домом, где они знакомились с собой по-настоящему. Василий Иванович пошел на кухню, бросив им:

– Располагайтесь.

Мария посмотрела на Гену. Высокий нескладный юноша с темными глазами прикладывал тыльную сторону ладони к рассеченной губе и морщился.

– Очень болит? – участливо спросила она.

– Да нет, нормально. – Геннадий прислонился к стене и устало прикрыл глаза.

Мария огляделась.

Железная кровать, застеленная солдатским одеялом, стол, пара табуреток и большая коробка с книгами. Ее притянуло как магнитом. Книги были ее страстью. Она заглянула внутрь – в основном самиздат. Забыв все правила вежливости, не спросив разрешения, она запустила руку в коробку и вытащила несколько томов в одинаковых серо-коричневых переплетах. Пастернак, Булгаков, Бердяев, Рамачарака... Последний автор был ей не знаком.

С кухни пришел Василий Иванович с ковшиком теплой воды.

– А... можно? – Маша прижимала к груди сокровище – томик Хармса.

– Возьми. Завтра занесешь.

Она кивнула.

Василий Иванович обработал Геннадию раны какой-то пахучей мазью из жестяной коробки.

– Заживет как на собаке, не переживай.

– Это волшебная мазь д'Артаньяна? – Марии было легко, как в детстве. Книги многое рассказали о своем владельце, и она почувствовала себя здесь в полной безопасности.

– Почти. – Василий Иванович усмехнулся.

– А вы можете меня научить так драться? – с потаенным страхом отказа спросил юноша.

– Драться – нет, – ответил странный сторож. – Я не поощряю драки. Но могу научить тебя быть воином.

– А меня? – трепеща больше, чем Геннадий, спросила Мария.

Он окинул ее внимательным взглядом. Небольшого роста, слегка сутулая, книжный червь. Глаза горят. Эх, романтик ты, Маша.

– Тебе не нужно будо¹⁴. Ты не воин. Впрочем, можешь походить на айкидо. Заодно осанку поправишь.

– А... кто я? – с детской надеждой спросила она.

---

¹⁴ Будо – современные японские боевые искусства

Он снова усмехнулся как-то по-доброму и ничего не ответил. О, сколько раз ей впоследствии задавался этот вопрос, и как мучительны были поиски ответа. Человек, женщина, жена, мать, учитель... Затем, когда ей открылась другая реальность, она перестала себя связывать с какой-то ролью, и ответы стали более сущностными – ученик, душа, энергия.

«Тебя удовлетворяет твой ответ?» – Мария понимала: нет, опять не то, она больше, чем все это. Но кто же она?

Оказалось, что ее новый «старый знакомый» – духовный наставник древней традиции, и встреча их не случайна. Через месяц она уже не представляла, как жила без этого дыхания свободы, которое пробуждалось рядом с Василием Ивановичем. По вечерам в спортзале школы загорался тусклый свет, и пятнадцать человек приходили заниматься, соблюдая конспирацию, – все это было не очень-то легально. Имен друг друга не знали, после тренировки расходились молча. Геннадий настолько увлекся, что бегал на тренировки каждый день, даже в старшую группу. Заниматься там он не мог, не хватало техники, но ему разрешили присутствовать. Он пожирал глазами ребят, которые отработывали технику боя, и каждый их жест прокручивал в голове.

Мария ходила два раза в неделю на айкидо и постепенно начала ощущать свое тело. Она вдруг поняла – у нее есть тело! Руки, ноги, голова, и все это связано, и во всем этом присутствует Она.

С огромным удовольствием они вдвоем с Геннадием посещали теоретические занятия по «духовной науке».

Мечта Марии сбылась – она нашла и Учителя, и «свою стаю».

– Меня зовут... – на первом занятии тот, кого все знали как Василия Ивановича, назвал странное имя, которое всколыхнуло что-то у нее внутри. Повяло чем-то родным, но очень далеким, сказочным и древнерусским, былинным. – Так ко мне и обращайтесь.

Каждый раз, произнося удивительное сочетание звуков, Мария словно смаковала какую-то сладость. Мозг реагировал на это звукосочетание выбросом эндорфинов. Приятная волна тепла пробегала по телу вверх и вниз и затаивалась мягким шариком в середине, в самом сердце.

Однако имени своего наставник просил не разглашать и об увиденном-услышанном не распространяться. Мужу Мария сказала, что занимается репетициями школьного спектакля, и он долго возмущался, что за эту нагрузку должны доплачивать. А то что же – жены по вечерам нет и денег не дают. Мария молча убегала. Врать не хотелось, а правды сказать она не могла – не могла подвести Василия Ивановича.

Они начали заниматься в ноябре 1972-го, а в конце января следующего года Мария узнала неприятную новость.

Она, как обычно по средам, вернулась домой поздно. Муж уже поужинал, разогрев котлеты, которые она приготовила накануне. Дочка спала в своей «комнатке» за шкафом, где помещалась только кровать, а он сидел на кухне. Читал газету.

– Что новенького? – Она склонилась над ним и чмокнула в висок. После занятий она всегда была в приподнятом настроении. Хотелось петь, но было уже поздно.

– Да ничего такого. – Он схватил ее за бедро и усадил на колени. – Твоих йогов критикуют.

Слова ударили ее, как струя воды из шланга. Она отшатнулась и спрыгнула с его колен.

– Ка-каких йогов?

– Да вот, – он махнул в направлении разложенной на столе газеты и снова сделал попытку схватить ее за ногу.

– Подожди!

Холодея, Мария взяла газету. Глаза мгновенно выхватили нужную статью. Комитет по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР опубликовал постановление

«О некоторых фактах неправильного развития отдельных видов физических упражнений в спорте».

Практика и обучение йоге на территории СССР отныне были запрещены, хотя до этого момента подобные занятия даже поощрялись. Невероятный успех имел вышедший в 1970 году фильм «Индийские йоги – кто они?» «И как его допустили до советского человека?» – удивлялась тогда Мария. Видимо, сказались потепление шестидесятых. Кинотеатры ломались от наплыва зрителей. Мария с мужем и десятилетней дочкой тоже сходили в кино.

– Вот бы и мне так, – мечтательно сказала она после фильма. Образы людей, умиротворенно медитирующих, контролирующих свое тело и спокойно закручивающихся в бублик, поразили ее воображение. Муж хмыкнул. Однако она не отступилась от своей мечты и начала каждое утро по пятнадцать минут сидеть с закрытыми глазами. Чаще всего это было похоже на дремоту. Лишь с появлением Василия Ивановича Мария узнала на опыте, что именно может происходить внутри медитирующего йога.

Она искала учителя, ждала его! И нашла. И вот только-только новый мир распахнул ей свои сияющие двери, как...

Она отложила газету. Ну уж нет! Она занятия не бросит.

Мария и Геннадий занимались не йогой, однако возникшая напряженность чувствовалась по отношению к любым глубоким философским поискам, уж не говоря об эзотерических знаниях.

В советской психиатрии появился псевдонаучный термин «Метафизическая интоксикация». Это означало – отравление человеческой психики мистическими или религиозными воззрениями. Этот диагноз позволял трактовать любое проявление искреннего интереса к философии или религии как форму шизофрении и применять «профилактические меры» к тонко чувствующим людям – их забирали «поправить здоровье и мозги» в психоневрологических интернатах. Именно поэтому о своем собственном экзотическом переживании Мария не рассказывала никому.

Василий Иванович был первым. Она подробно, в красках, описала свои чувства и озарения, не без внутренней гордости и тайно ожидая одобрения.

– Иисус? Ну хорошо, – отвечивал он, не слишком, казалось, вникнув в масштабность события. И увидев ее вытянувшееся лицо, добавил:

– Что теперь? Медаль себе на грудь повесишь?

Она вспыхнула и обиделась: обесценили самое дорогое, что у нее было. Поймала себя на том, что у нее выпятилась нижняя губа, как у ребенка, который готов заплакать, когда у него забрали любимую игрушку. На занятии она сдержалась, но дома, вечером, в слезах рухнула на кровать: «Всё! Вообще туда больше не пойду!»

Однако утром, еще не совсем проснувшись, а плавая в сладком светлом море сна, она вдруг увидела, что заигралась в избранность:

– Божечки, да это же все гордыня!

Теперь она поняла, почему Василий Иванович выслушал ее тайную исповедь более чем спокойно.

Мимо таких моментов скрытого самолюбования он не проходил, иронично подтрунивая над ее восторженностью, и Марии иногда бывало тяжело и больно. Ее представления о жизни и о себе рушились.

Прежние знания ее и даже кандидатская степень здесь не котируются.

Она словно свалилась с небес на землю – ей необходимо было признать, что на этом пути она всего лишь неопытный, делающий робкие шаги, а видение ее – только первое из череды посвящений, которых она, конечно, не получит, если не поймет свой урок: в духовном мире главное – самоотречение и служение.

В первый раз это понятие засияло для нее новым светом. Служение Родине и людям она понимала до этого, как учили товарищ Ленин и коммунистическая партия, – отдать всю себя без остатка во имя великой идеи победы коммунизма, совершенно забывая о своих нуждах и желаниях. Двигаться в ногу со всеми, быть как все.

В маленькой дворницкой она познавала иной мир, в котором не было политики и даже границ между странами. Где людям открывалась бескрайняя свобода Духа. Даже понятие свободы приобрело новый смысл. Свободным может быть только человек, осознающий себя, принимающий свою индивидуальность. Люди в массе, хоть и утверждали, что они обладают свободным выбором, на деле становились безликими, теряли свое «я», свою уникальность. Плыли в массовом бессознательном, как рыбы в косяке, – в толпе было легче выжить. Быть индивидуальностью было опасно.

Однако Марию влекло к новым знаниям так сильно, что она забывала всякую опасность. Идеи коммунизма о светлом будущем для всех словно потеряли всю идеологическую шелуху, и она поняла, что хочет именно этого – служить людям. Но не так, как наставляли идеологи коммунизма, а так, как ей открывалось через древнее духовное учение. И на первом этапе важно было одно – сохранять верность новому знанию и учителю.

Зимними холодными вечерами в дворницкой на столе горела маленькая лампочка под зеленым абажуром. Тусклый свет придавал пространству оттенок колеблющегося пограничья. «Со мной ли это все происходит, – иногда думала Мария. – Реально ли все это, то, что я слышу после трудового дня, уроков, чтения незамысловатых текстов «Le petit Nicolas», разговоров в учительской о новом фильме, вышедшем на экраны, – «А зори здесь тихие...». После нормальной, привычной, такой знакомой жизни».

– Эк-зотерическим называется знание явное, это та наука, с которой мы сталкиваемся, постигая мир, – Василий Иванович говорил, а она конспектировала в своем дневнике. – Понятие «э-зотерическое знание» часто переводят как «тайное» знание или «герметическая наука» (по имени Гермеса Трисмегиста). Однако правильнее будет сказать, что эзотерика – это не «тайное», а не-явное знание. Разница есть! – Василий Иванович, мерно ходивший по комнате (три шага в одну сторону, три – в другую), остановился и сделал паузу, чтобы хлебнуть чаю из большой жестяной кружки. Она напоминала Марии о войне. Такая же была у ее отца, когда он уходил на фронт. Ушел и не вернулся. Наверное, Василий Иванович тоже воевал. Интересно, сколько ему лет? Около пятидесяти? Наставник коротко глянул на нее, и Мария ступевалась. Ей показалось, он прочитал ее мысли.

– Это не тайна, которую где-то прячут, – продолжил он. – Это знание, которое уже есть. Оно есть. Здесь, сейчас, всегда. Но до него еще нужно дорасти. Понимаете, есть Путь. Вы растете духовно, зреете.

Человеку нужно вскрыть некий пласт, покров иллюзии, закрывающий от него свет Истины.

Мария кивнула. Она поняла! Вспомнила свое переживание «избранности», которое на самом деле было просто гордыней. Вот она, иллюзия.

– Прорыв к Истине, высший вид внутренней экзальтации, расширение сознания называют Сатори (это по-японски), или Просветление. В миг просветления для человека в мире перестает быть что-то не-Живое. Мир вспыхивает всеми своими гранями, и ты понимаешь связи между явлениями и событиями. Он открывается тебе в постоянном развитии, в постоянном становлении. И в то же время ты осознаешь, что есть только одно мгновение, сейчас, которое равно вечности.

– Итак, можно сказать, что эзотерика – это внутреннее, духовное знание, которое помогает понять себя, разобраться с вопросами «Кто я?», «Что такое жизнь?», «Что есть смерть?» Разные традиции по-разному подают это знание. Но единый духовный закон гласит: «Путей

много, Истина одна». И твой путь, – Василий Иванович снова бросил короткий взгляд на Марию, и она перестала дышать, – уникален. Он только твой.

В качестве послушания ей доверили переписывать книги, и так она познакомилась с трудами йога Рамачараки, появившимися в России в начале XX века, и с «Бхагават-гитой», которую в 70-е тайно распространяли «среди своих». В 1971 году Советский Союз посетил Свами Шрила Прабхупада, основатель международного общества Сознания Кришны, и именно с этого момента началось знакомство советских искателей с индуистской философией.

Мария научилась печатать и стала дотемна засиживаться в учительской, чтобы пользоваться машинкой школьной секретарши. Теперь она возвращалась поздно не три раза в неделю, а все пять. Мужа раздражало такое рабочее рвение, но он умолкал, когда она приходила домой радостная, с ясными глазами-фонарями.

– Опять репетировали? – мрачно уточнял он.

– Да, репетировали, – она обнимала его, напевая что-то на французском. Ее лицо сияло, она вынимала шпильки из строгого пучка и волосы волшебной волной рассыпались по спине. Никогда раньше их близость не была настолько страстной и насыщенной. Ему казалось, что от нее шли сильнейшие токи.

– Долго это еще будет продолжаться? – однажды спросил он со смешанным чувством собственничества, недовольства ее самостоятельной, отдельной от него жизнью, невозможности контролировать эту самую жизнь и желания повторения острого блаженства, которое, как он смутно ощущал, было связано с ее ежедневными «репетициями».

– Не знаю, наверное, до конца учебного года. И в следующем учебном году тоже... – она осторожно глянула на него.

Кончилось все внезапно. После летних каникул, приехав в конце августа из псковской деревни, где они отдыхали с дочкой, она первым делом побежала к школе. Три ступеньки с торца, маленькое крыльцо и заветная дверь. Постучала условным стуком. Раздался мягкий, еле слышный звон поворота ключа в замочной скважине (Василий Иванович сам обтачивал ключ, чтобы тот не слишком громко скрежетал), и на пороге возникла грузная женская фигура.

– Кого тебе? – не очень-то любезно спросила владелица тела.

– А-а-а?... – Мария вопросительно махнула рукой, изображая нечто вроде человекообразного облака и пытаясь заглянуть в комнату через могучее плечо новой хозяйки.

– Уехал он.

– Куда?!

– Мне откуда знать? Уволился и уехал. Дурак! Место-то хорошее. – Она довольно потрясла головой в мелких кудрях.

Мир рухнул. «А как же я?!» – хотелось кричать ей. Никаких контактов у нее не было. И он ничего не оставил – ни весточки, ни адреса. Просто уехал, и все. Бросил ее. Их. А где Геннадий? Найти его она тоже не могла – не знала ни фамилии, ни телефона. Василий Иванович был их связующим звеном. А вдруг... внутри похолодело. Нет-нет, с ним ничего не могло случиться. Она вспомнила его лекцию об интуиции. Он тогда все «разложил по полочкам».

– Представьте свое сознание в виде сосуда, – говорил он, привычно расхаживая по крошечной комнатке. Маша представила трехлитровую банку с хрустящими солеными огурцами и сглотнула. Она села на краешек кровати и, волевым усилием отогнав огурцы, принялась, как обычно, строчить в свой блокнот. Геннадий примостился на полу, в углу. У него тоже была тетрадь. Он ничего не записывал, не любил он это. Он рисовал, и его тетрадь была полна переплетениями каких-то крошечных кружочков и спиралей, заполнявших собой весь лист.

– Этот сосуд наполнен неоднородным содержанием. Большую часть, около восьмидесяти процентов, занимает наш инстинктивный разум – это тот уровень сознания, который мы разделяем с братьями нашими меньшими. Он отвечает в первую очередь за все неосознаваемые процессы, которые происходят в теле. Как в теле животного, так и в теле человека работа внут-

ренных систем и органов не контролируется интеллектом, а происходит согласно некой природе, которая придумала все мудро и гармонично. Мы не контролируем, как мы дышим, как осуществляется в теле сердцебиение или процесс выделения.

Вторая сфера влияния инстинктивного разума – деятельность, которую мы производим автоматически. Нам не нужен интеллект, чтобы открывать двери, выключать свет или ездить на велосипеде. Как только мы обучились какому-то навыку сознательно, он переходит в область подсознания. Вот вы научились кататься на велосипеде один раз, и дальше всю жизнь обладаете этим навыком. Даже если долго не ездите, потом тело все вспоминает.

На данном уровне находятся все так называемые двигательные стереотипы и привычные шаблоны реагирования.

Инстинктивный разум также называют «умом привычек». В нем содержится информация, полученная путем наследственности и воспитания.

Как говорит Рамачарака, «инстинктивный ум хранит в себе все виды безумия и мудрости»¹⁵. Это область ощущений и область эмоций. Как известно, на эмоции способны даже некоторые виды животных, у которых развита высшая нервная деятельность. Поэтому не будет преувеличением сказать, что человек, живущий только одними эмоциями и гонящийся за новыми и новыми ощущениями, недалеко ушел от обезьяны. А мы еще с гордостью называем себя Homo Sapiens! – Он мягко, чуть иронично улыбнулся.

Мария тут же принялась применять на практике новые знания – училась наблюдать. Смотрела, как рождаются в ней самой неконтролируемые спонтанные реакции, как это происходит у других. «Что же, неужели мы все автоматы? А где же человек, в чем его свобода? Неужели именно на это намекал Диоген, который ходил с фонарем среди бела дня и искал «человека» в толпе людей?»

Своими наблюдениями и размышлениями она делилась с наставником. Он ее внимательно выслушивал, но эмоций не выражал.

– Идем дальше. Следующий уровень. Второе «И». Интеллектуальный разум. Он в человеке только развивается, мы еще не знаем всех его возможностей. Логика аристотелевская, которой мы оперируем и которую считаем высшим проявлением интеллекта, на самом деле лишь его часть, и уповать на нее не следует. Она очень ограничена, потому что она горизонтальна – от причины к следствию. А мир гораздо сложнее, он многомерен.

И, наконец, третий компонент нашего сосуда – божественная искра, вечная и нетленная, которую можно назвать интуицией или духовным разумом. Это наше высшее начало, открывающее нам сверхчеловеческие возможности, объединяющее всех духовных искателей всех времен. Человек, у которого развита интуиция, никогда не попадет туда, где ему не надо быть. Он в гармонии с собой и со своей судьбой.

Василий Иванович мало рассказывал о себе. По сути, она не знала о нем почти ничего. Из обрывков разговоров и примеров, которые он приводил, она поняла, что он многое повидал на своем веку. Она восхищалась его знаниями, которые ей казались невероятными. Физиология, медицина, в том числе китайская, иглоукалывание, литература, история, философия – не было такой области, в которой он не был бы знатоком.

– Почему вы работаете сторожем? – не выдержала она однажды. – Ведь вы могли бы стать учителем в школе! Или директором. Или...

– Большое отшельничество, – ответил он ей сухо и непонятно. Дальнейшие расспросы пресек. Когда она набрала в грудь воздуха, чтобы развить тему, он постучал ей пальцем по макушке и ласково сказал:

– От любопытства знаешь что?

---

¹⁵ Рамачарака. Основы мирозерцания индийских йогов, СПб., 1913

– Знаю, – покаянно вздохнула она.

– Что?

– Кошка сдохла.

– А почему?

– Что почему? Почему сдохла?

– Да. Почему кошка сдохла от любопытства? – он терпеливо, как маленькому ребенку, повторил вопрос и с интересом посмотрел в ее озадаченное лицо.

– Ну-у-у... Наверное, залезла куда не следует, а там...

– И что там? – подняв бровь, лукаво улыбаясь, продолжал допытываться он.

– Уж мы этих котов душили, душили, душили, душили, – захохотал Геннадий, оторвавшись от своих художеств.

Хорошо ему. Его так не мучили вопросами. Пока, во всяком случае.

Она насупилась и молчала. Она знала, что, несмотря на внешне скоморошечью форму этих диалогов, наставник ведет ее к какому-то озарению. Уже неоднократно случалось так, что неосознанно произнесенная фраза или слово разворачивались в целую картину новых смыслов. Новый знакомый сотворял эти смыслы из чего угодно. Хоть издохлой кошки.

– Кошка нарушила чье-то личное пространство? Узнала то, что ей не подходит?

– А почему?

«Господи, опять! Ненавижу эти вопросы! Они меня выставляют полной дурой. Ответы же очевидны. Не влезай – убьет! А кошка влезла».

– Ты говоришь о следствии. У действия всегда есть следствие. И есть причина. Я тебя спрашиваю, по-че-му?

То есть почему в принципе кошка полезла куда-то? Что такое это любопытство, которое двигало ею?

– А! – ее осенило. – Кошка интересуется новым! Она хочет познавать мир!

– Допустим. Но тяга к познанию не есть любопытство. Чувствуешь разницу?

Она ушла домой и продолжила думать над незатейливой фразой. По какой-то причине кошка интересовалась чужой жизнью. Значит, своя была не важна? Кошка была ориентирована на внешнее, а Василий Иванович всегда учил, что начинать надо с себя. Продолжать и заканчивать тоже.

– В общем, так. – На следующее занятие она пришла с подготовленным ответом. Привычным учительским жестом поправила юбку. – Варианта два. Первое. Кошка слишком заинтересована во внешних обстоятельствах, и тем самым она теряет полноту своей жизни, ведь ее разум находится не в настоящем моменте, а где-то. А человек, то есть кошка, там, где его мысли. Поэтому в этот момент кошка, можно сказать, не живет, ведь там, где она есть, ее как таковой нет. То есть в каждый миг, когда мы глубоко погружаемся в чью-то жизнь, мы «умираем» для своей собственной. В общем, тут смерть, скорее, метафорическая.

Второе. Кошка попыталась узнать что-то, что выше ее понимания, но у нее не хватило ресурса, чтобы это воспринять, и ее разорвало изнутри. Накопленная ею энергия не перешла в новое качество, но ее было так много, что в старом теле она уже не могла быть в покое. И произошел взрыв. Кошка, так сказать, сдохла. – Она подняла плечи и развела руками. Мол, что поделать, *c'est la vie*.

Геннадий демонстративно похлопал ей и подмигнул. Василий Иванович ничего не сказал. Он вообще редко хвалил ее или говорил: «Да, правильно». Скорее, его взгляд выражал спокойный интерес к ее процессу мышления. «Люди стереотипны, – часто повторял он. – Они не умеют думать. Максимум, на что они способны, – это собрать из кирпичиков А, Б и В башню АБВ, но у них никогда не получится что-то новое, например, Ю! Потому что они не могут

даже представить себе этого, не могут мыслить масштабно. Так что учитесь думать, друзья мои. Душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь».¹⁶

Мария медленно спустилась по ступенькам. Августовский вечер померк, как будто тьма, окутавшая ее душу, вылилась наружу. Как же она теперь? Какой тусклой показалась жизнь! Сейчас начнется серая рутина школьных будней, в которых не будет главного наполнителя. Проходя по двору мимо достопамятных, ныне весело краснеющих кустов барбариса, она тихо застонала. Надо идти на педсовет. И она шла. Уныло, как на казнь.

Как жить? «Тот, кто видел Свет на пути, никогда его не забудет», – говорил Василий Иванович. Хотя теперь она сомневалась, что это было его настоящее имя. «Я странник, – сказал он однажды. – Моя свобода – быть там, где я хочу, и жить так, как хочу». Его «хочу», впрочем, разительно отличалось от желаний обывателей. Оно диктовалось высшей волей, было нелогичным и не имеющим (по крайней мере, для Марии) явной цели. «Ты просто пока не видишь взаимосвязей, – успокаивал он ее. – Ничего. Ты увидишь. Просто живи и будь верна той истине, которая тебе открывается». Да, как-то надо продолжать жить без опоры на Учителя.

Мария Михайловна, восьмидесятитрехлетняя старушка, сидела на скамейке около частной психиатрической клиники и смотрела на себя в прошлом. Вспоминала. Когда ей было уже сорок три, то есть в 1980-м году, через восемь лет после этих событий, произошла неожиданная встреча с Геннадием. Она была с классом в Белоруссии, в Минске, и на светофоре в центре города к ней подошел красивый молодой мужчина. «Маша, – тихо произнес он. – Приходи вечером в девятнадцать часов в парк Победы, поговорим». Он исчез так же незаметно, как появился.

Геннадий рассказал удивительные вещи. Оказалось, что он несколько лет разыскивал Василия Ивановича, ездил по разным монастырям, просясь поваром в группу геологов или этнографов. Он был у староверов, был в Бурятии у лам, был на Алтае у шаманов.

Мария сидела на скамейке на тенистой аллее парка и изумленно всплескивала руками.

– Надо же, в Бурятии! И что, все работало? Храмы? Дацаны? И службы велись?

Геннадий кивнул. И продолжил.

Все духовные учителя лишь молча улыбались в ответ на его расспросы, пока лет через пять после начала поисков в одном из буддийских дацанов у него не состоялась примечательная беседа с настоятелем.

– Я уже потерял надежду, как вдруг...

По какой-то не видимой Геннадию причине настоятель сам подошел к юноше, сгорбленно сидевшему перед изображением Белой Тары.

Когда на вопрос: «Зачем вы здесь?» – Геннадий, поколебавшись, назвал заветное имя наставника, монах сказал: «Разве вы уже познали все то, чему вас учили? Зачем вы ищите своего Учителя? Разве не понимаете, что, если бы он хотел с вами связаться, он сам бы вас давно нашел? Но у него свои задачи, у вас свои!»

– Я даже похолодел, – признался Гена. – Я понял, что он прав. Мой поиск был продиктован мальчишеской привязанностью, а значит, шел от эго.

Он сложил руки лодочкой перед грудью, как делал Василий Иванович, и поклонился настоятелю. Встреча эта принесла если не мир в его душу, то успокоение.

Он узнал многие фантастические подробности о своем Учителе, который, как оказалось, был хорошо известен среди Посвященных разных религиозных традиций. Пожилой настоятель-буддист со светлым тихим взглядом был тоже одним из его учеников. Он рассказал Геннадию о «Большом отшельничестве», в котором пребывал их наставник. В отличие от «Малого

---

¹⁶ *Заболоцкий Н.Н.* Не позволяй душе лениться, 1958

отшельничества», которое предполагало уединение в горах, вдали от людей, и погружение в духовную практику, Большое отшельничество было испытанием еще более серьезного уровня. Последним испытанием. Духовный путник возвращался в мир, неся ему свои знания. При этом он должен был пройти сквозь этот мир невидимкой, открывшись только тем, с кем был связан давнишними кармическими узами.

Мария слушала Гену и вспоминала их совместные посиделки в маленькой комнате. Они теперь оба понимали, что наставник неукоснительно соблюдал два важнейших духовных закона – передавать знания только тем, кто готов и искренне жаждет их, и не «метать бисер перед свиньями», не допускать до сокровенных вещей праздно любопытствующих, дабы убедить их от преждевременной встречи с новым миром. «Знание должно быть возведено, знание должно быть сокрыто», – нередко повторял он, когда они пили чай вместе в его «дворнической». Геннадий понял, почему Василий Иванович, обладая глубочайшими познаниями и возможностями, не использовал их, предпочитая работу сторожа, которая давала ему... свободу. Он оставался монахом, будучи в миру. «В мире, но не от мира сего».

– Удивительный человек! – В заключение Гена долгим взглядом посмотрел на Марию. Она кивнула.

– Мы не брошены. Я это теперь чувствую! Мне кажется, за нами наблюдают те, кто видит больше нас. – Геннадий сиял. «Каким же он стал красавцем, – пронеслось в голове у Марии. – Нескладный утенок преобразился».

Настоятель дацана объяснил молодому искателю, что на духовном Пути все взаимосвязаны, и неважно, находишься ли ты рядом со своим наставником физически или нет, – на потаенном внутреннем уровне вы едины.

– Он нас не бросил! – повторил Геннадий еще раз. – Просто мы проходим сейчас свои уроки.

Он обнял Марию Михайловну на прощание. Больше они не виделись.

– А как ты сам? – еле успела спросить она.

– Нормально. Тренером работаю в спортшколе.

К лавочке прискакал воробей-толстячок и, требовательно сверкая глазом, подпрыгнул прямо к ее ногам. Она задумчиво поправила юбку и вытащила из кармана кусочек хлебного мякиша...

В середине восьмидесятых годов в небольшом белорусском издательстве вышла книга безымянного автора о духовных традициях мира. Мария была убеждена, что автором ее был Геннадий. Когда она перелистывала страницы, ей казалось, что она слышит шуршание его карандаша по тетради. Как же он ее написал, мягко улыбалась она, ведь он ни единой строчки не законспектировал.

Сама Мария не страдала так сильно от отсутствия Василия Ивановича. В тот день, 27 августа, когда она отошла от первоначального потрясения и немного успокоилась, она сделала то, чему он ее учил. Села в позу для медитации, закрыла глаза и настроилась на ситуацию. Она сразу услышала, что его голос звучит в ней, что он рядом. Он дал ей ключ доступа к своей душе – свое сакральное имя. Произнося его, она входила в транс.

А вскоре появились и первые ученики. Вернее, ученицы. Сначала была мама хулигана Витьки из 7В класса. Он часто безобразничал на уроках и смешил весь класс тем, что коверкал французские слова. Ля ручка, ля ножка, ля стол. *Je parle*¹⁷ он произносил как «жопарл», делая ударение на первый слог. Все неизменно смеялись. *Je suis perdu*¹⁸ – вообще была его коронная фраза. Он сопровождал ее недвусмысленными звуками. Мария Михайловна долго терпела и

---

¹⁷ *Je parle* (фр.) – Я разговариваю

¹⁸ *Je suis perdu* (фр.) – Я потерялся

корректно взывала к порядку. Но Витька был авторитет. В классе его боялись. А ему нравилось поддевать миниатюрную француженку.

И однажды Мария Михайловна не выдержала и вызвала в школу его родителей. Пришла мама. Усталая, замотанная работница стройки – маляр-штукатур. Она воспитывала сына одна. Денег постоянно не хватало, и она «халтурила» после работы, клея обои частным заказчиком. Сын был предоставлен самому себе.

– Понимаете, – виновато говорила она, – ему же штаны нужны, куртка. Он же растет! На нем все горит!

Мария Михайловна молча кивала. И прислушивалась. К себе и к ней. Мало-помалу между ними установились приятельские отношения, и однажды, к изумлению Витьки, училка пришла к ним домой. Оглядела крошечную комнату в общежитии, похвалила рисунки на стене («А это Витенька нарисовал, когда был маленьким») и осталась пить чай.

Людмила была способной. Ее чаша была пуста¹⁹. Она сразу почувствовала в Марии глупину и мудрость, которой не обладала сама. По природе она была восприимчива и открыта, и слова о счастье легли ей на душу.

«Понимаете, – говорила Мария Михайловна, – все представления о жизни коренятся в нашем уме. Мы всегда хотим чему-то соответствовать и что-то достигать, думая, что счастье в будущем. Нас так учат. Но если сместить угол зрения и понять, что будущего нет, а есть только настоящее, то в этом сиюминутном настоящем можно ощутить огромную радость. Когда мы не скованы страхом за будущее или чьими-то ожиданиями относительно нас, мы счастливы!»

Витькина мама слушала затаив дыхание:

– Как будущего нет? Совсем? А ради чего мы живем тогда? Все зря? А я думала, мы все живем во имя светлого будущего? Это же смысл жизни! Все отдать, чтобы потом... Вы же в школе тоже этому учите!

– Не я, – сказала Мария.

Как же объяснить то, что непонятно уму? Мария вспомнила, как деликатно учил их Василий Иванович – никогда не настаивал на своем мнении, не переубеждал, просто показывал другой срез реальности, и через какое-то время, когда ученик созревал сам, случалась с ним та самая «Эврика!»

Мария вкладывала зерна в душу своей ученицы, не ожидая быстрого результата. Она не заботилась о плодах, знала: они появятся в нужный момент. В квартире у нее висела репродукция Ван Гога «Сеятель». Иногда Мария ему подмигивала, дескать, понимаю тебя, друг, сама тоже сею.

Не так просто было Людмиле совершить переворот в сознании. Так что чаю «со слоном» по 95 копеек за пачку, который они обе так любили и который Мария изредка «добывала» с продуктовыми наборами в школе, им пришлось выпить много.

Мария дорожила своей первой ученицей, потому что Людмила слушала, старалась, выполняла все рекомендации, и у нее получалось. Она не давала волю своим сомнениям. Вернее, их у нее совсем не было. Она доверилась сразу, и даже Витька скоро заметил, что мать стала как-то добрее, что ли. Стала больше с ним разговаривать. Стала улыбаться, а потом и смеяться залихватистым девичьим смехом. Он так любил ее в эти моменты! Он сам рядом с ней помягчел, перестал паясничать на уроках и однажды даже проводил француженку до автобуса. Они разговорились, и она отдала ему свой драгоценный конспект по айкидо (и на тренировках

---

¹⁹ Дзенская притча о чаше: Нан-Ин, японский мастер дзен, живший в эру Мэйдзи (1868—1912), принимал как-то у себя профессора университета, пришедшего порасспросить его о дзен. Нан-Ин разливал чай. Налив гостю полную чашку, он продолжал лить дальше. Профессор смотрел на льющийся через край чай и, наконец не вытерпев, воскликнул: – Она же полна. Больше не входит! – Вот как эта чашка, – ответил Нан-Ин, – и вы наполнены своими мнениями и суждениями. Как же могу я показать вам дзен, пока вы не опорожните свою чашку? https://pritchi.ru/id_240

она умудрялась записывать изречения Василия Ивановича: «Будьте водой, не напрягайтесь, теките, используйте силу противника против него самого, и вы будете непобедимы»).

Да-а-а... Людмила, где ты сейчас? Сорок лет прошло. Пожилая Мария Михайловна внутренне обняла свою ученицу-подругу и почувствовала мгновенный отклик в груди. Улыбнулась. Они все были рядом, они были здесь.

***

«Бодхисаттва (пали bodhisatta, санскр. Bodhisattva – существо, стремящееся к просветлению) – в традиционном буддизме и буддизме махаяны лицо, принявшее решение стать буддой, чтобы достичь нирваны и помочь другим существам выйти из безначальных реинкарнаций и страданий. Альтруистический идеал бодхисаттвы, который «задерживается» в сансаре ради того, чтобы помочь другим, противостоит двум другим, более эгоцентрическим ориентирам буддиста – достижениям архата и пратьекабудды, стремящихся преимущественно к собственному «освобождению»²⁰.

– Помощь другим, так-так, ну ладно. – Среди нагромождения витиеватых предложений и абстрактных понятий Сергею Борисовичу откликнулось только это. Он быстро нажал на клавишу и впился в экран.

«Приведу вам несколько выдержек о Бодхисаттвах из моей книги «Основы буддизма». «Слово “Бодхисаттва” состоит из двух понятий: Бодхи – озарение или пробуждение и саттва – сущность. Кто же эти Бодхисаттвы? Ученики Будд, добровольно отказавшиеся от личного освобождения и по примеру Учителя вступившие на долгий, тягостный, тернистый путь помощи человечеству. Подобные Бодхисаттвы проявляются на земле среди самых различных жизненных условий. Физически ничем не отличаясь от остального человечества, они совершенно отличны по своей психологии, неизменно являясь носителями принципа Общего Блага...

---

²⁰ Новая философская энциклопедия, М.: Мысль, 2010

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.